

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ GOODREADS CHOICE

МЭРИ КУБИКА

Блестяще
и завораживающе...
Второй роман
Мэри Кубики
поднимает
ее талант на новые
высоты.

LA Times

МОЯ МАЛЫШКА

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ *NEW YORK TIMES* И *USA TODAY*

Иностранный детектив

Мэри Кубика
Моя малышка

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111-31
ББК 84(7Coe)

Кубика М.

Моя малышка / М. Кубика — «Центрполиграф»,
2015 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-06837-8

Однажды Хайди Вуд, сердобольная и отзывчивая молодая женщина, привела с улицы в дом девушку-подростка с младенцем на руках. Крис, ее муж, и дочь Зои пришли в негодование, тем более что поведение девушки выглядело подозрительно, она ничего о себе не рассказывала и явно что-то скрывала. Но и у Хайди была своя тайна: не только сострадание к несчастной малолетней матери руководило ее поступками. Криса терзала мысль, что с появлением в их доме бродяжки над их семьей нависла серьезная опасность. Обстановка в доме все больше накалялась...

УДК 821.111-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06837-8

© Кубика М., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Хайди	6
Крис	9
Хайди	14
Крис	20
Хайди	25
Уиллоу	32
Хайди	34
Уиллоу	40
Крис	42
Хайди	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мэри Кубика

Моя малышка

Pretty Baby Copyright © 2015 by Mary Kurychenko «Моя малышка»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Хайди

В первый раз я увидела ее на платформе станции Фуллертон. Она стояла, прижимая к себе младенца, будто хотела защитить и его, и себя от идущего по фиолетовой линии до Линдена поезда-экспресса, который стремительно проносился мимо. 8 апреля, температура около плюс восьми, хлещет проливной дождь, дует сильный порывистый ветер. В такой день прическу делать бесполезно.

Одета девушка в джинсы, разорванные на колене, и тонкое нейлоновое пальто – примерно такого же оттенка зеленого бывает военная форма. Ни капюшона, ни зонтика. Промокшая до нитки, она стоит, спрятав подбородок в воротник, и смотрит прямо перед собой. Пассажиры вокруг съежились под зонтами, но никто не предлагает ей укрытия. Младенец, заботливо укрытый от дождя маминым пальто, крепко спит, как детеныш в сумке кенгуру. Удивляюсь, как можно спать в такую холодную, дождливую погоду, да еще и под грохот поезда. Из-под пальто выглядывает замызганное шерстяное розовое одеяльце, и я сразу решаю, что ребенок – девочка. У ног незнакомки, обутых в насквозь промокшие ботинки на шнуровке, стоит старый потертый чемодан из коричневой кожи.

На вид ей не больше шестнадцати. Девушка очень худая. Сразу решаю, что от недоедания, хотя, возможно, это просто природная худоба. Одежда висит на девушке мешком. Джинсы слишком широкие, пальто заметно велико.

По громкой связи объявляют о прибытии поезда, идущего по коричневой линии. Толпа спешащих на работу пассажиров быстро набивается в теплые сухие вагоны, но девушка не двигается с места. На несколько секунд замедляю шаг, чувствуя потребность что-то сделать, что-то предпринять. Но потом вхожу в поезд вместе с остальными равнодушными. Пробравшись к свободному месту, сажусь, а когда двери закрываются и поезд приходит в движение, смотрю в окно на удаляющуюся фигурку под дождем с ребенком на руках. Эта картина не дает мне покоя весь день.

Еду в центральный район Чикаго, Луп, и выхожу на станции Адамс/Уобош. Осторожно спускаюсь по ступенькам с платформы на затопленный дождем тротуар. В нос сразу ударяет отвратительный запах канализации из-под решетки на углу улицы. Голуби вразвалочку нарезают круги вокруг мусорных баков, поблизости расположились бездомные, а миллионы жителей города пробегают мимо, спеша из точки А в точку Б.

Между встречами, на которых обсуждаем повышение уровня грамотности взрослого населения, и подготовкой к тесту по программе средней школы, а также занятиями с мужчиной из Мумбай, которому нужно сдать экзамен на знание английского, представляю, как девушка с ребенком целый день стоит на перроне, провожая взглядом отъезжающие и прибывающие поезда. Пытаюсь найти безобидное объяснение. У младенца колики, и вибрации от движения поездов – единственное, что помогает бедному ребенку заснуть. Зонтик у девушки был. Ясно его себе представляю: ярко-красный с золотистыми маргаритками. Но налетел мощный порыв ветра и вывернул его наизнанку. В такую погоду зонты часто ломаются. Впрочем, возможно, девушка оставила зонтик дома просто потому, что не могла одновременно унести в руках и его, и ребенка, и чемодан. Малышку она, конечно, оставить не могла. Но зачем брать чемодан, если она никуда не едет, да еще и притом, что из-за него приходится отказываться от зонтика? Может, девушка кого-нибудь ждет? А может, успела запрыгнуть на поезд красной линии через несколько секунд после того, как от платформы отъехал мой поезд?

Когда вечером возвращаюсь домой, девушки на станции нет. Крису рассказывать не стала. И так знаю, что он скажет: «Тебе-то какое дело?» Зои сидит за кухонным столом. Помогаю ей сделать домашнее задание по математике. Зои говорит, что терпеть не может математику. Ничего удивительного – сейчас она ненавидит всех и вся. Зои двенадцать. Точной даты не

помню, но у меня этот период подростковой ненависти наступил гораздо позже – лет в шестнадцать – семнадцать. Впрочем, в наши дни дети взрослеют быстрее. Например, в детском саду я играла и учила буквы, а Зои уже вовсю читала и обогнала меня по уровню компьютерной грамотности. И у мальчиков, и у девочек переходный возраст начинается раньше, чем у моего поколения, – иногда на целых два года. У десятилеток уже есть мобильные телефоны, а бюстгальтеры теперь начинают носить лет с семи-восьми.

Полужинав, Крис, как обычно, скрывается в кабинете, где изучает наводящие скуку таблицы, и выходит много позже, чем мы с Зои легли спать.

На следующий день она снова на том же месте. Эта девушка. И опять льет как из ведра. Апрель только начался, а метеорологи уже предсказывают, что в этом месяце выпадет рекордная норма осадков. Говорят, самый дождливый апрель в истории наблюдений. Вчера из аэропорта О’Хара сообщили, что за день выпало 0,6 дюйма осадков. Уже начало затапливать подвалы и находящиеся в низинах улицы. Рейсы самолетов отменяют и задерживают. Напоминаю себе, что, по примете, чем мокрее апрель, тем больше цветов в мае. Надев кремовую куртку из водоотталкивающей ткани и резиновые сапоги, отправляюсь на работу.

На девушке те же рваные джинсы, зеленое пальто и ботинки. Старый чемодан снова стоит у ее ног. Она ежится на холоде, а ребенок плачет и беспокойно вертится на руках у матери. Девушка укачивает младенца и что-то успокаивающе бормочет. Читаю по губам – «тише, тише». Стоящие под огромными зонтами женщины потягивают из стаканчиков кофе навынос и обмениваются мнениями. «Разве можно выносить ребенка из дома в такую погоду? – с высокомерным неодобрением произносят они. – Девчонка что, совсем не соображает? Да еще и без шапочки!..»

Мимо проносится экспресс фиолетовой линии, потом подъезжает и останавливается поезд коричневой линии. Толпа, словно двигаясь по конвейерной ленте, все с тем же равнодушием устремляется внутрь. И опять я медлю. Снова хочу хоть что-то предпринять, однако боюсь без спроса влезть в чужие дела и обидеть девушку. Между желанием помочь и навязчивостью очень тонкая грань, которую я переступить не желаю. Есть миллион причин, по которым девушка может стоять под дождем с чемоданом, держа ребенка на руках. Вовсе не обязательно предполагать, что ей некуда идти, хотя именно эта мысль неотвязно меня преследует.

Среди людей, с которыми я работаю, подавляющее большинство – иммигранты. В их среде нищета – обычное дело. Статистика грамотности в Чикаго выглядит уныло. Примерно у трети взрослых жителей города образовательный уровень очень низкий, а это значит, что они не могут составить заявление о приеме на работу, прочесть указатели или разобраться, на какой остановке линии «Л» им выходить. А помочь детям с уроками – и вовсе не выполнимая задача.

У нищеты разные лица, но все одинаково мрачные.

Старухи, спящие свернувшись в клубок на скамейках в городских парках. Все их немногочисленное имущество сложено в тележку, украденную из супермаркета. Пропитание эти несчастные добывают, роясь в городских помойках в поисках объедков.

Мужчины, в морозные январские дни сидящие прямо на тротуаре, привалившись к стенам чикагских небоскребов. Несмотря на неудобные позы, они крепко спят, прислонив к себе картонные таблички: «Помогите ради бога. Нет денег на еду».

Дома, в которых живут нищие, находятся в ужасающем состоянии, и расположены они в опасных, криминальных районах. В лучшем случае эти люди отказывают себе в продуктах, в худшем – голодают. Они вынуждены обходиться без элементарной медицинской помощи, даже прививки для них – непозволительная роскошь. Их дети учатся в школах, не получающих надлежащего финансирования. Большинство ребят в таких учреждениях трудные, с серьезными проблемами в поведении, здесь процветает насилие. А еще такие дети, по статистике, очень

рано начинают сексуальную жизнь, и таким образом процент населения, живущего в нищете, неуклонно пополняется. Девочки-подростки рожают слабых младенцев со слишком низким весом, которые не получают ни медицинской помощи, ни прививок. Дети болеют и голодают.

Больше всего нищих среди чернокожих и латиноамериканцев, однако от этой беды не защищен никто, включая белую девушку с младенцем. Все эти соображения вихрем пронеслись в голове. Решаю, как поступить. Подойти к девушке? Сесть в поезд? Подойти... сесть... подойти...

Но тут, к моему удивлению, девушка заходит в вагон. Успевает проскользнуть внутрь за несколько секунд до того, как раздается сигнал, предупреждающий, что двери вот-вот закроются. Я спешу следом, гадая, куда мы едем – девушка, ребенок и я.

Вагон переполнен. Какой-то мужчина любезно уступает свое место девушке. Та молча опускается на металлическое сиденье рядом с человеком в строгом деловом костюме и длинном черном пальто. Тот косится на младенца, будто перед ним марсианин. По дороге на работу каждый занят своим делом. Одни разговаривают по мобильным телефонам, достают ноутбуки и прочие гаджеты. Другие читают книги, газеты или рабочие бумаги. Третьи потягивают кофе и смотрят в окно на пасмурный горизонт, но в такую погоду трудно что-то разглядеть. Девушка осторожно достает ребенка из рюкзака-кенгуру и разворачивает розовое шерстяное одеяльце. Как ни удивительно, под ним младенец остался сухим. Поезд между тем подъезжает к станции Армитедж. Проносимся так близко к кирпичным зданиям и домам на три-четыре квартиры, что, должно быть, у жильцов в кухонных шкафах подсакивает посуда, а грохот заглушает телевизор. И так каждые несколько минут, весь день до поздней ночи. Оставляем позади Линкольн-Парк и направляемся в Старый город. За время пути ребенок успокаивается. К явному облегчению других пассажиров, пронзительный плач сменяется тихим хныканьем.

К сожалению, протиснуться к девушке не могу, поэтому приходится стоять гораздо дальше, чем хотелось бы. Стараясь сохранять равновесие в покачивающемся вагоне, высматриваю ее между пассажирами и их портфелями. Ловлю взглядом то белую щечку младенца, раскрасневшуюся от плача, то впалую щеку матери. Белый комбинезончик, соска, которую жадно сосет ребенок, и застывший взгляд девушки. Какая-то женщина проходит мимо и замечает:

– Какая хорошенькая малышка!

Девушка выдавливает улыбку. Сразу становится заметно, что улыбается она редко. Сравниваю ее с моей Зои. Да, эта девушка определенно старше – во взгляде столько горечи и ни следа детской впечатлительности. Не говоря уже о младенце. Хочется верить, что Зои до сих пор думает, будто детей приносит аист. Но рядом с бизнесменом девушка кажется совсем ребенком. Волосы подстрижены неровно – с одной стороны до плеча, с другой короче. Цвет тускло-коричневый, как на старой пожелтевшей фотографии с эффектом сепии. Кое-где виднеются выкрашенные в рыжий цвет пряди. Глаза сильно накрашены, но из-за дождя тушь размазалась. На лоб падает длинная, словно выполняющая роль защитного заслона, челка.

Замедляя ход, поезд въезжает в Луп. Дорога начинает изгибаться и поворачивать. Девушка снова укутывает ребенка в розовое шерстяное одеяльце, потом сажает в рюкзак-кенгуру. Значит, выходить они будут раньше меня. Так и оказалось – девушка покидает вагон на станции Ван Бёрен. Смотрю в окно, стараясь не потерять ее в толпе спешащих прохожих, всегда заполняющих улицы в это время дня.

Однако мои попытки не увенчались успехом, и вскоре девушка с ребенком скрывается из виду.

Крис

– Как дела? – спрашивает Хайди, стоит мне войти в дверь.

Меня встречает сильный запах тмина, голос диктора новостей с кабельного канала, доносящийся из гостиной, и орущая из другого конца коридора стереосистема Зои. По телевизору рассказывают о рекордной норме осадков, парализовавшей Средний Запад. Все вещи, висющие и стоящие возле двери, одинаково мокрые – пальто, зонты, обувь. Пополняю коллекцию мокрых вещей собственными и мотаю головой, как отряхивающаяся собака. Войдя на кухню, чмокаю Хайди в щеку – скорее в силу привычки, чем из желания проявить нежность.

Хайди уже переделалась в пижаму – красную, фланелевую, в шотландскую клетку. Медные локоны – это ее натуральный цвет – из-за дождя лежат не так пышно, как обычно. Контактные линзы Хайди сняла и заменила очками.

– Зои! – кричит жена. – Иди ужинать!

Вряд ли дочка услышит призыв из-за закрытой двери своей комнаты в другом конце коридора, да еще и сквозь оглушительный вой любимого бойз-бенда.

– Что на ужин? – спрашиваю я.

– Чили. *Zoi!*

Люблю чили, но в последнее время Хайди подает это блюдо исключительно в вегетарианском варианте, причем кладет в него не только обычную и черную фасоль, нут и тмин, но и готовит, как она ее называет, «вегетарианскую говядину», чтобы создать впечатление, будто мясо в тарелке есть, и при этом ни одна корова не пострадала. Хайди достает из шкафчика миски и накладывает в них чили. Жена не вегетарианка, но когда две недели назад Зои наотрез отказалась есть мясо, потому что в нем слишком много жиров, Хайди решила, что в ближайшее время наша семья перейдет на овощной рацион. С тех пор мы успели отведать вегетарианский рулет, спагетти с вегетарианскими фрикадельками и вегетарианские сэндвичи с говядиной. Ни кусочка мяса.

– Давай я ее позову, – предлагаю я и шагаю по узкому коридору нашей квартиры. Стучу в вибрирующую от громкой музыки дверь и с любезного разрешения дочери просовываю голову в ее комнату. Сообщаю, что пора ужинать. Зои отвечает, что сейчас придет. Дочка лежит на кровати с балдахинном и что-то строчит в желтой тетради – той самой, вся обложка которой оклеена вырезанными из журналов фотографиями кумиров подростков. Как только вхожу, Зои поспешно захлопывает тетрадь и тянется за небрежно отброшенными в сторону обучающими карточками по социологии.

Про вегетарианское мясо не упоминаю. Направляюсь в нашу с Хайди спальню, чтобы переодеться в домашнее. На ходу начинаю ослаблять галстук и едва не спотыкаюсь о кошку.

Вскоре все мы сидим за кухонным столом, и опять Хайди спрашивает, как у меня дела.

– Хорошо, – отвечаю я. – А у тебя?

– Терпеть не могу фасоль, – объявляет Зои, зачерпнув ложкой чили и тут же брезгливо роняя обратно в тарелку.

Звук телевизора в гостиной приглушен, и все же взгляды наши невольно устремляются к нему. Стараемся прочитать вечерние новости по губам диктора. Зои небрежно разваливается на стуле и отказывается есть. Дочка – вылитая Хайди. То же круглое лицо, выющиеся волосы и карие глаза. Не говоря уже о губках бантиком и россыпи веснушек на вздернутом носике. Похожи как две капли воды.

– Что нового? – спрашивает Хайди.

Едва удерживаюсь, чтобы не состроить гримасу. Самому говорить о работе не хочется, а истории Хайди про беженцев из Судана, старающихся получить политическое убежище, и

взрослых людей, не умеющих читать, сильно портят настроение. Лучше уж посидеть молча, глядя на экран телевизора и пытаясь угадать, что говорит диктор.

Однако послушно рассказываю Хайди, как разговаривал по телефону с клиентом, желающим собрать полную информацию об объекте инвестирования, как составлял договор купли-продажи, как вынужден был в три часа ночи беседовать по конференц-связи с клиентом из Гонконга. Потихоньку выскользнул из спальни и прокрался в кабинет, а закончив разговор, принял душ и отправился на работу. Хайди и Зои еще видели десятый сон.

– Завтра утром еду в Сан-Франциско, – напоминаю я.

Хайди кивает:

– Помню. Надолго?

– На один день.

Потом спрашиваю, как дела у нее, и жена рассказывает про молодого человека, иммигрировавшего из Индии в США полтора месяца назад. Он жил в трущобах Мумбай.

– В Дхарави. Это одни из самых огромных трущоб в мире, – объясняет Хайди. – Представляешь, зарабатывал меньше двух американских долларов в день.

Потом принимается рассказывать, как там обстоит дело с туалетами. Оказывается, их мало, и расположены они далеко друг от друга. Чтобы не стоять в очередях, большинство местных жителей попросту ходят в речку.

Молодого человека зовут Аакар, и Хайди помогает ему освоить нашу грамматику. Задача не из легких.

– Английский выучить очень сложно, – в который раз повторяет Хайди.

– Знаю, – отвечаю я.

Такой уж человек моя жена – у Хайди душа болит за всех несчастных и обездоленных. Когда делал ей предложение, находил это качество очень милым и просто восхитительным, но после четырнадцати лет брака слова «иммигрант» и «беженец» вызывают только раздражение. Главным образом потому, что не могу избавиться от ощущения, будто о них жена заботится больше, чем обо мне.

– А у тебя как день прошел, Зои? – спрашивает Хайди.

– Полный отстой, – ворчит дочка, откинувшись на спинку стула и глядя на чили с таким видом, будто на ужин ей предложили полную тарелку собачьего дерьма.

Смеюсь про себя. Ну, хоть кто-то из нас ответил честно. Хочу забрать свои слова обратно. Мой день тоже полный отстой.

– Отстой? А что случилось? – спрашивает Хайди.

Люблю, когда жена употребляет жаргонные выражения. В ее устах они звучат неестественно и поэтому забавно. По своей инициативе Хайди произнесла бы это слово, только если бы речь зашла об отстоявшемся осадке.

Потом жена спросила:

– Почему не ешь чили? Слишком острое?

– Сказала же – терпеть не могу фасоль.

Пять лет назад Хайди принялась бы рассказывать дочке про голодающих детей в Индии, Сьерра-Леоне и Бурунди. Но сейчас заставить Зои съесть хоть что-то – уже большое достижение. Одни продукты она «терпеть не может», в других слишком много жира – например, в мясе. Поэтому теперь вся семья по ее милости довольствуется «вегетарианской говядиной».

В стоящем на полу у двери портфеле звонит мобильный телефон. И Хайди, и Зои поворачиваются в мою сторону, гадая, не умчусь ли я посреди ужина вести важные переговоры в кабинет. Вообще-то раньше в этой комнате была третья спальня, но мы решили переоборудовать ее в мой кабинет, когда стало ясно, что больше детей у нас с Хайди не будет. До сих пор, когда жена туда заходит, замечаю, каким взглядом она окидывает офисную мебель – стол,

книжные полки, мое любимое кожаное кресло. Видимо, представляет на их месте кровать, пеленальный столик и обои с веселыми африканскими зверушками.

Хайди всегда мечтала о большой семье. Но, к сожалению, не получилось.

Даже когда ужин совсем короткий, редко удается поесть спокойно – обязательно раздается противное треньканье мобильного. Иногда отвечаю, иногда нет – зависит от обстоятельств. Главным образом от того, какой сегодня день, какое у меня настроение и – что гораздо важнее – какое настроение у Хайди. Ну и, конечно, от того, может ли это быть что-то срочное. Сегодня вечером демонстративно набиваю полный рот чили, и Хайди улыбается – похоже, в знак благодарности. Улыбка у Хайди очаровательная – очень милая, добрая и располагающая. А главное, каждый раз искренняя – идет изнутри, а не просто расцветает на губах. Когда Хайди улыбается, вспоминаю нашу первую встречу на благотворительном балу. Хайди была одета в кружевное винтажное платье без бретелек. Красное. И помада под цвет. Хайди тогда была просто картинка. Да что там картинка – шедевр! Тогда она еще училась в колледже, а в благотворительной организации проходила стажировку. Теперь Хайди этой организацией практически управляет. В те счастливые деньки мог не спать всю ночь, а вздремнув часика четыре, чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Тридцатилетние казались глубокими стариками, а о том, какой будет моя жизнь, когда стукнет тридцать девять, даже не задумывался.

Хайди считает, что я слишком много работаю. Да, семидесятичетырехчасовая рабочая неделя для меня норма. Бывает, домой возвращаюсь только в два часа ночи. Или весь вечер и всю ночь просиживаю, запершись в кабинете, и разбираюсь с делами только к рассвету. Телефон звонит в любое время суток, будто я врач, лечащий тяжелобольных пациентов, а не менеджер, специализирующийся на слияниях и поглощениях. Но Хайди работает в некоммерческой организации. Только один из нас зарабатывает достаточно, чтобы мы могли позволить себе квартиру в районе Линкольн-Парк, оплатить обучение Зои в дорогой частной школе и еще откладывать на колледж.

Телефон перестает звонить, и Хайди снова поворачивается к Зои. Все-таки хочет узнать подробнее, как у дочки прошел день. Оказалось, миссис Питерс, учительница географии в седьмом классе, сегодня не пришла, и заменяла ее полная... Зои поспешно осекается, подыскивая более уместное слово, чем выражения, которых нахваталась от трудных подростков. Наконец находит – зануда.

– Почему зануда? – спрашивает Хайди.

Избегая встречаться с матерью взглядом, Зои устала в тарелку с чили.

– Откуда я знаю? Зануда, и все.

Хайди отпивает маленький глоток воды. На лице выжидательное, вопросительное выражение. С таким же видом Хайди ждала, когда я в подробностях расскажу о разговоре с клиентом в три часа ночи.

– Она что, была вредная?

– Нет, не очень.

– Слишком строгая?

– Нет.

– Слишком... страшная? – вставляю я, пытаюсь разрядить обстановку.

Привычка Хайди постоянно задавать вопросы иногда создает в доме напряженную атмосферу. Хайди убеждена: если у ребенка внимательная мать – даже слишком внимательная, – в тяжелый подростковый возраст он вступит с уверенностью, что его любят. Однако сам я помню, что в «тяжелом подростковом возрасте» только и думал, как бы сбежать от родителей. Чем больше настойчивости они проявляли, тем больше я отдалялся. Но Хайди набрала в библиотеке психологических книг о стадиях развития ребенка, любящем воспитании и секретах счастливой семьи. Жена твердо решила, что должна все сделать правильно.

Зои хихикает. В последнее время случается это нечасто, но стоит дочке захихикать, как она будто снова превращается в шестилетнего ребенка, чистого и неиспорченного.

– Нет, – отвечает она.

– Ну, значит, просто зануда. Скучная, старая зануда, – выдвигаю предположение я. Отдвигаю черную фасоль к краю миски и принимаюсь высматривать что-нибудь посьедобнее. Помидор. Кукуруза. Принимаюсь искать перец. «Вегетарианской говядины» избегаю.

– Да. Вроде того.

– Что еще новенького? – спрашивает Хайди.

– А?..

На Зои футболка, разрисованная разноцветными пятнами. На груди ярко-розовыми, усыпанными блестками буквами написаны слова «мир» и «любовь». Волосы собраны в боковой хвост. Прическа кажется слишком взрослой для девочки с оранжевыми брекетами на торчащих в разные стороны зубах. Все левое предплечье изрисовано ручкой – тут и символ мира, и ее имя, и сердечко. Вдруг замечаю еще одно имя – «Остин». Это что за новости? Какой еще Остин?

– Ты не дорассказала про свой день, – напоминает Хайди.

Кто такой, черт возьми, Остин?

– Тейлор за обедом пролила молоко прямо на мой учебник по математике.

– Надеюсь, книга не слишком пострадала? – спрашивает Хайди.

Тейлор – лучшая подруга Зои. Девочек с четырех лет водой не разольешь. Даже носят одинаковые бусы разных цветов в знак дружбы. С черепами. Придет же такое в голову. Бусы Зои ярко-зеленые. Дочка не снимает их ни днем ни ночью. А мама Тейлор, Дженнифер, лучшая подруга Хайди. Если правильно помню, познакомились они в парке. Девочки возились в песочнице, матери переводили дух на скамеечке неподалеку. Хайди говорит, что их свел вместе счастливый случай. На самом деле началось знакомство с того, что Зои швырнула песком в глаза Тейлор. Если бы Хайди не взяла на прогулку бутылку с водой, которой быстро умыла ревущую и совершенно не счастливую Тейлор, а Дженнифер не переживала тяжелый развод и не искала человека, перед которым можно выговориться, история закончилась бы совсем по-другому.

Зои ответила:

– Не знаю. Кажется, не слишком.

– Новый учебник покупать не надо?

Молчание.

– Еще что-нибудь случилось? Что-нибудь хорошее?

Зои качает головой. Вот и весь рассказ про отстойный день. Из-за стола дочка поднимается, так и не съев чили. Хайди удается уговорить ее откусить несколько кусочков кукурузного хлеба и допить стакан молока, после чего жена велит Зои доделать уроки. Дочка уходит в свою комнату, и мы остаемся одни. Телефон звонит снова. Хайди встает и принимается собирать посуду. Пытаюсь понять, можно мне уйти или нет. Решив не рисковать, начинаю помогать Хайди. Та выбрасывает порцию Зои в мусорное ведро.

– Вкусное получилось чили, – вру я.

На самом деле совсем невкусное. Ставлю посуду рядом с раковиной и подхожу к Хайди со спины, прижимаю ладонь к красной клетчатой фланели пижамы.

– Кто еще едет в Сан-Франциско? – спрашивает Хайди. Выключает воду и поворачивается ко мне.

Прижимаюсь к ней. Ощущение давно знакомое и привычное. Супружеские объятия уже стали для нас второй натурой. Мы с Хайди вместе почти полжизни. Прежде чем жена откроет рот, знаю, что она скажет. Выучил все ее жесты и выражения лица. Сразу распознаю приглашение в ее взгляде, когда Зои давно спит или ночует у подружки. Поэтому теперь понимаю –

притягивая меня к себе и сцепив руки на моей пояснице, Хайди демонстрирует вовсе не привязанность. Это знак собственности. Ты мой.

– Да так, пара коллег из офиса, – отвечаю я.

Снова вопросительно-выжидательный взгляд. Хайди хочет услышать подробности.

– Том, – добавляю я. – И Генри Томлин.

Невольно запинаясь. Эта запинка меня и выдает.

– Еще Кэссиди Надсен, – робко признаюсь я. Фамилию мог бы и не говорить – Хайди отлично знает, о какой Кэссиди речь. Надсен – пишется «Кнадсен», но первая буква не произносится, потому что фамилия скандинавского происхождения.

Хайди сразу убирает руки и отворачивается к раковине.

– Поездка строго деловая, – подчеркиваю я. – Командировка, и ничего больше.

Зарываюсь лицом в волосы Хайди. Пахнет сладкой, сочной клубникой и гораздо менее приятной смесью городских запахов: улица, поезд, дождь.

– Кэссиди тоже так считает? – спрашивает Хайди.

– Если нет, сразу поставлю в известность, – отвечаю я.

Умолкаем, и в кухне становится тихо. Если, конечно, не считать звона тарелок и столовых приборов, которые жена буквально забрасывает в посудомоечную машину. Воспользовавшись представившейся возможностью, быстро ускользаю и отправляюсь в спальню собирать вещи.

Хайди

Просыпаюсь утром. Крис уже уехал. Рядом, на искусственно состаренной деревянной тумбочке, стоит чашка с кофе. Напиток, разумеется, остыл, к тому же, зная Крису, уверена, что муж, как всегда, перелил миндальных сливок. И все-таки, он сварил мне кофе. Сев на кровати, тянусь за чашкой и пультом. Вяло перескакивая с канала на канал, натываюсь на прогноз погоды. Разумеется, обещают дождь.

Наконец выбираюсь из-под одеяла и плетусь по коридору в кухню. Стены увешаны фотографиями Зои от детского сада и до седьмого класса. Дочка уже на кухне – стоит и наливает молоко в миску с хлопьями.

– Доброе утро, – произношу я.

Зои вздрагивает от неожиданности.

– Хорошо спала? – спрашиваю я и осторожно целую дочку в лоб.

Зои сразу застывает и напрягается. В последнее время не выносит объятий, поцелуев и прочих нежностей. И все же как мать чувствую потребность как-то проявить свою любовь. Крис в таких случаях просит дочку «дать пять», а еще у них есть свое особое секретное рукопожатие. Но мне эти способы не по душе, поэтому целую Зою и чувствую, как та отстраняется. В любом случае дневная норма нежностей выполнена.

Зою уже надела школьную форму – сарафан в шотландскую клетку с плиссированной юбкой, синюю кофточку и замшевые туфельки с ремешками. Конечно, эти вещи Зою ненавидит всей душой.

– Нормально, – бормочет дочка в ответ и направляется с миской к столу.

– Может, сока налить?

– Не хочу пить.

Однако замечаю, как Зою поглядывает на кофемашину. Дочка уже заводит разговор насчет утреннего кофе, но я считаю, что детям его пить ни к чему. Ни один двенадцатилетний ребенок не нуждается в кофеине, чтобы взбодриться с утра. Но свою чашку наполняю до краев и еще добавляю сливок. Беру себе хлопьев с изюмом и, присоединившись к Зою, пытаюсь завести разговор о предстоящем дне. Но единственное, что слышу в ответ, – односложные «да», «нет» и «не знаю». Вскоре Зою убегает в ванную чистить зубы, а я остаюсь в пустой кухне. За окном в эркере мерно барабанит дождь.

Выходя на улицу, встречаем в подъезде соседа, Грэма. С довольной улыбкой он жмет на кнопки новомодных часов, которые в ответ пищат и сигнализируют на разные голоса.

– Какая приятная встреча! Доброе утро, дамы, – мурлычет Грэм с самой кокетливой улыбкой, которую мне доводилось видеть. Довольно длинные светлые волосы Грэма прилипли к мокрому лбу. Не сомневаюсь, что, вернувшись домой, он приведет прическу в порядок с помощью изрядного количества геля, и волосы будут, как обычно, стоять торчком. Грэм весь мокрый. От дождя или от пота, трудно сказать.

Сосед явно возвращается с ежедневной утренней пробежки по берегу озера. Грэм с головы до ног одет в спортивные вещи от «Найк», а дорожные часы на запястье призваны подсчитывать количество миль и время, за которое они преодолены. Спортивный костюм даже слишком тщательно подобран – ярко-зеленая полоса есть и на куртке, и на кроссовках. Грэм – классический метросексуал, хотя Крис считает, что не только.

– Доброе утро, Грэм, – здороваюсь я. – Как пробежка?

Прислонившись к выкрашенной в песочный оттенок стене с белыми панелями внизу, Грэм берет специальную бутылку с водой для спортсменов и выжимает большой глоток.

– Замечательно! – отвечает он.

На лице такой восторг, что Зои краснеет от неловкости. Дочка устремляет взгляд на мыски туфель и принимается возить ногами по полу, точно пиная невидимый камушек.

Грэму тридцать с чем-то. Квартира досталась ему в наследство от давно умершей матери. Вдобавок к полученным по завещанию деньгам Грэм заработал целое состояние, подав в суд на больницу. Получил в качестве компенсации сотни тысяч долларов, не меньше. Однако все эти деньги растратил на навороченные часы, дорогие вина и роскошную мебель.

Квартиру Грэм собирался продать, но потом передумал и поселился здесь сам. Заменил разномастные предметы интерьера, принадлежавшие матери, на ультрастильную мебель в минималистском стиле, будто сошедшую со страниц каталога. Четкие линии, острые углы, нейтральные оттенки. Единственное, что не вписывается в минимализм, – разбросанные по полу страницы рукописей, распечатанные на принтере.

– Гей, – уверял Крис после того, как мы впервые побывали в гостях у соседа. – Точно говорю – гей.

К такому выводу мужа подтолкнул не только интерьер, но и заполненные одеждой шкафы, которые Грэм нарочно оставил открытыми, чтобы похвастаться. У меня столько нарядов сроду не было.

– Попомни мои слова. Вот увидишь, – уверенно заявлял Крис.

Однако к Грэму регулярно заглядывали женщины, причем настолько сногсшибательные, что даже у меня при взгляде на них дух захватывало. Яркие блондинки с голубыми глазами, цветом которых они явно были обязаны контактными линзами, и фигурами как у куклы Барби.

Грэм стал нашим соседом, когда Зои была еще совсем маленькой. Дочка его просто обожала. Едва заведя, летела к нему, словно фруктовая мушка к старым коричневым бананам. Будучи писателем, Грэм большую часть дня проводил дома, уставившись на экран компьютера и упиваясь кофе и сомнениями в собственном таланте. Грэм много раз нас выручал, когда Зои болела и ни я, ни Крис не могли отпроситься с работы. Грэм с готовностью пускал Зои на свой стеганный диван, где они вместе смотрели мультфильмы. Если что-то понадобится – хоть масло, хоть салфетки, – можно смело обращаться к Грэму. И дверь он всегда готов придержать. А еще он пишет чудесные сочинения и не раз выручал Зои с уроками, когда ни я, ни Крис помочь не могли. Вдобавок Грэм умеет готовить великолепный соус к индейке – задача, с которой мне самой справиться не под силу. Причем выяснилось это в самом разгаре подготовки к ужину в честь Дня благодарения, на который были приглашены родственники Криса.

Короче говоря, Грэм – настоящий друг.

– Не желаете как-нибудь составить компанию? – предлагает сосед, имея в виду пробежку.

Бросаю взгляд на многочисленные бутылки с водой, свисающие со специального пояса Грэма, и решаю, что мы, пожалуй, воздержимся.

– Лучше не надо, – говорю я.

Сосед дружески ерошит Зои волосы, и дочка снова заливается румянцем, но теперь розовым от удовольствия, а не багровым от смущения.

– А ты как относишься к бегу? – спрашивает Грэм у Зои.

Та пожимает плечами. Удобно быть двенадцатилетней. В ответ на любой сложный вопрос достаточно пожать плечами и застенчиво улыбнуться, чтобы тебя оставили в покое.

– Надумаешь присоединиться – буду рад.

И снова эта кокетливая, многозначительная улыбка. Белоснежные зубы образуют идеально ровный строй, на щеках легкая небритость. Грэм пытается посмотреть Зои в глаза, но дочка избегает его взгляда, точно чумы. Не потому, что сосед ей не нравится. Даже наоборот – очень нравится.

Прощаемся и выходим на улицу, под дождь.

Провожая Зою до школы, потом отправляюсь на работу. Зою учат в католической школе в нашем районе. Рядом расположена огромная католическая церковь в греческом стиле – серый кирпич, тяжелые деревянные двери и высокий, возносящийся к небу купол. Украшена церковь очень богато – золотые росписи на стенах, витражи в окнах, мраморный алтарь. Школа расположена прямо за церковью и в таком соседстве кажется совсем незаметной. Впрочем, здание ничем не примечательное – обычная школа из красного кирпича с обычной детской площадкой, на которой сейчас толпятся ученики в одинаковых клетчатых формах и разноцветных дождевиках. Висящие на спинах портфели больше самих школьников. На ходу буркнув что-то неразборчивое, Зою торопливо убегает. Стоя возле бордюра, смотрю, как она присоединяется к другим семиклассникам, а потом они вместе спешат укрыться от дождя под крышей. Малыши все как один цепляются за ноги родителей и объявляют, что в школу идти не хотят.

Как только Зою скрывается в дверях, направляюсь к станции Фуллертон. За время пути дождь, и до того сильный, успевает превратиться в настоящий ливень. Перехожу на неизящный бег и несусь по улице, наступая в лужи и обрызгивая ноги грязной водой.

Вспоминаю про девушку и ее ребенка и думаю: вдруг они сейчас точно так же мокнут под дождем? Добежав до станции, прикладываю карточку к турникету и торопливо поднимаюсь на платформу по скользким ступенькам. Гадаю, увижу ли сегодня юную мать и младенца, но их нет. Конечно же рада, что сегодня им не пришлось стоять на перроне в такую непогоду. Но все-таки думаю, где они и, главное, все ли с ними в порядке? Есть ли у них надежная крыша над головой? В общем, испытываю смешанные чувства. Нетерпеливо жду поезда и, когда он наконец приходит, торопливо сажусь. Оказавшись в вагоне, не свожу глаз с окна, высматривая в толпе пассажиров зеленое пальто, ботинки на шнуровке, потрепанный кожаный чемодан и промокшее розовое одеяльце, из-под которого выглядывает голая головка с легким пушком. Представляю беззубую улыбку ребенка.

Сегодня в нашу благотворительную организацию, занимающуюся распространением грамотности, приводят на экскурсию третьеклассников. Вместе с волонтерами читаем им стихи, а потом предлагаем написать и проиллюстрировать свои собственные. Показать плоды творчества всем решаются только самые смелые. Школьники, которых к нам приводят, в основном принадлежат к низшему классу. Большинство афро- или латиноамериканцы. Эти дети из бедных семей. Есть среди них и такие, которые дома говорят не на английском, а на каком-нибудь другом языке – испанском, польском или китайском.

У большинства оба родителя работают – конечно, если речь идет о семьях, где родителей двое, а таких немного. В основном детей растят матери-одиночки. Мам – и отцов, если они есть, – эти школьники почти не видят. Те не имеют возможности заниматься сыновьями и дочерьми, озабоченные более насущной проблемой – как заработать на жизнь? Утро, проведенное в нашем центре, призвано не только показать детям красоту слова с помощью сонетов и хокку. В наши двери они входят безо всякого энтузиазма, с недовольным ворчанием, а несколько часов спустя, благодаря прилежной работе и вниманию всего нашего коллектива, уходят с уверенностью в собственных силах и пониманием, что учиться – интересно и важно.

Но как только экскурсия заканчивается, снова начинаю думать про девушку и ребенка. К обеденному перерыву дождь утихает до легкой мороси. Надев плащ, быстро шагаю по Стэйт-стрит, на ходу жуя полезный батончик мюсли. Это мой обед. Спешу в библиотеку – надо забрать книгу, которую заказали специально для меня. Обожаю библиотеку с ее залитым солнцем вестибюлем (впрочем, на это сегодня рассчитывать не приходится), гранитными горгульями и миллионами книг. Каждый раз наслаждаюсь приятной тишиной и восхищаюсь, сколько всего здесь можно найти, сколько областей знаний охвачено – от французского языка до средневековой истории и гидравлической инженерии. А для самых маленьких посетителей есть сказки. Нет, для меня книгу не заменят никакие бурно развивающиеся современные технологии.

Проходя мимо прислонившейся к красной кирпичной стене бездомной женщины, замедляю шаг и вкладываю в ее протянутую руку долларовые купюры. Женщина улыбается. Многих зубов не хватает. На голове черная шляпа из тонкой ткани, которая вряд ли греет. Женщина невнятно бормочет что-то, смутно напоминающее «спасибо». Обращаю внимание, как почернели ее зубы. Должно быть, принимает наркотики – вероятнее всего, метамфетамин.

Отыскиваю свою книгу на нужной полке и, переходя с эскалатора на эскалатор, поднимаюсь на седьмой этаж. Огибаю охранников, школьную экскурсию, празднующихся мужчин, женщин, переговаривающихся слишком громко для библиотеки... В залах тепло, спокойно и уютно. Направляюсь к шкафам, где выставлена художественная литература. Собираюсь подыскать какое-нибудь приятное чтение – скажем, последний бестселлер «Нью-Йорк тайме».

И тут, к своему удивлению, замечаю ее – девушку с ребенком. Скрестив ноги, она сидит прямо на полу между стеллажами. Младенца пристроила на коленях. Чемодан стоит рядом. Похоже, девушка рада хоть немного отдохнуть от своей ноши. Достав бутылочку из кармана зеленого пальто, протягивает ребенку. Тот с готовностью открывает ротик. Девушка тянется за книгой на нижней полке. Нырять в соседний ряд, хватаю первый попавшийся фантастический триллер и наугад открываю на сорок седьмой странице. Глядя одной рукой ножки ребенка, девушка тихо читает вслух «Аню из Зеленых мезонинов».

Младенец совершенно спокоен. Сквозь просвет между металлическими полками наблюдаю, как он сосет молоко из бутылочки, пока на дне не остаются одни пузырьки. Потом глазки у ребенка сами собой закрываются, и он погружается в сон. Младенец лежит тихо, только время от времени подергивает ручками и ножками. Девушка продолжает читать, поглаживая крошечные пальчики ног. Начинаю чувствовать себя неловко оттого, что стала непрошеной свидетельницей такой личной сцены – общения матери с ребенком.

Подходит библиотекарьша.

– Вам помочь? – спрашивает она.

Едва не подпрыгиваю, сжимая в руке все тот же научно-фантастический триллер. Ощущение такое, будто меня застучали на месте преступления. Вдобавок с мокрого плаща на пол капает вода. Но лицо у библиотекарьши мягкое, добродушное. На меня она смотрит с приветливой улыбкой.

– Нет, спасибо, – торопливо отвечаю я. Стараюсь говорить тише: не хочу разбудить младенца. – Я уже нашла.

И со всех ног спешу к эскалаторам с моей новой книгой в руке.

По пути с работы домой забегаю в видеопрокат и выбираю девчачью романтическую комедию. Посмотрим вместе с Зои. Еще покупаю коробку обезжиренного попкорна.

С тех пор как мы поженились, Крис всегда вел «кочевой» образ жизни. В раннем детстве Зои расстраивалась, когда папа, не успев приехать, отправлялся куда-то снова. Когда у него бывали командировки, я всегда придумывала для нас с дочкой разные интересные занятия и удовольствия. Смотрели фильмы, вместе спали в нашей большой кровати, пекли на ужин блинчики, сочиняли истории, придумывая, будто Крис – отважный путешественник во времени. Гораздо более увлекательная профессия, чем инвестиционный банкир, которого вдобавок вечно отправляют в деловые поездки.

Поднимаюсь на лифте на пятый этаж нашего старого дома. Зайдя в квартиру, удивляюсь, почему у нас так темно и тихо. Обычно оглушительная музыка, доносящаяся из комнаты Зои, приветствует прямо с порога. Но сегодня не слышно ни звука. Включаю лампу в гостиной и окликаю дочку. Подхожу к двери ее спальни и стучусь. Через щель из-под двери виднеется полоска света, но ответа никакого. Захожу внутрь.

Зои лежит, раскинувшись на пушистом кремовом коврике, который мы постелили на паркетный пол. Дочка все еще в форме, хотя обычно переодевается, как только приходит из

школы, меняя клетчатый сарафан и кофточку на что-нибудь более яркое, с блестками или стразами. Дыхание у Зои размеренное. Дочка спит, поэтому не тревожусь. И все же странно, с чего она вдруг легла поспать днем? Зои прижимает к груди желтую тетрадь, будто задремала неожиданно, от усталости. Но, перед тем как уснуть, она укрылась плюшевым одеялом и подложила под голову подушку с надписью «Обними и поцелуй». Обогреватель, который Крис купил после многочисленных жалоб Зои на холод, установлен на двадцать шесть градусов. Должно быть, в двух футах от отопительного прибора, да еще и под одеялом, жарко, как в духовке. Щеки Зои покраснелись. Еще немного – и одеяло загорится. Жму на кнопку и выключаю обогреватель, но спальня охладится еще не скоро.

Окидываю внимательным взглядом комнату. Если бы Зои не спала, то возмутилась бы и принялась меня выгонять. Стены здесь голые, кирпичные – такие встречаются в нашем доме безо всякой системы. Крис думает, что из-за этого у Зои в комнате холодно. На незастеленной кровати под балдахином лежит лоскутное одеяло. К стенам на шпательку приклеены постеры со знаменитостями подросткового возраста и тропическими пейзажами. Открытый рюкзак валяется на полу. Батончик мюсли, который сунула Зои в руку перед школой, чтобы было чем перекусить, лежит нетронутый. По полу раскиданы скомканные записки от одноклассников. Прижавшись к Зои, дремлют кошки – уж эти всегда рады возможности погреться.

Осторожно глажу дочку по длинным волосам и тихо зову ее по имени – один раз, потом второй. Просыпается Зои моментально и сразу резко садится, широко распахнув глаза, будто ее застали за чем-то нехорошим, недозволенным. Зои порывисто вскакивает, и кошки вместе с ней. Бросив одеяло на кровать, поясняет:

– Я сегодня устала.

Окидывает лихорадочным взглядом комнату, словно проверяя, какой «компромат» я могла заметить. Никакого. Сейчас почти семь часов. Солнце за темными плотными тучами уже, наверное, начало садиться. А где-то в Сан-Франциско Крис, скорее всего, ужинает в каком-нибудь безумно дорогом, роскошном ресторане и любит через стол на Кэссиди Надсен. Старюсь отогнать эту мысль.

– Молодец, что отдохнула, – говорю я, глядя на следы от подушки на щеке и усталые карие глаза. – А вообще как дела?

– Нормально, – отвечает Зои, хватая с пола желтую тетрадь и прижимая к груди, будто животное детеныша.

– Как там миссис Питерс? Вышла на работу?

– Нет.

– Наверное, заболела, – предполагаю я. Эпидемия гриппа в этом году поздняя, но сильная. – Кто заменял? Опять вчерашняя зануда?

Зои кивает. Вот и весь ответ.

– Пойду готовить ужин, – произношу я, но Зои, к моему удивлению, говорит:

– Я уже поела.

– Да?..

– После школы проголодалась. Не знала, во сколько ты придешь, вот и решила не ждать.

– Правильно, – киваю я. – Чего поела?

– Жареного сыра, – отвечает Зои и для верности прибавляет: – Еще яблоко.

– Ладно...

Только сейчас замечаю, что до сих пор не сняла плащ и резиновые сапоги. Даже сумка все еще висит наискосок на плече. Оживившись, радостно достаю фильм и попкорн.

– Устроим сегодня киносеанс? – предлагаю дочке. – Только ты и я.

Зои молчит. Лицо равнодушное, в отличие от меня – ни следа веселой улыбки. Начинаю чувствовать себя глупо. Не успевает Зои открыть рот, а я уже заранее предвижу, какой будет ответ.

– Не могу... – произносит Зои. – Завтра контрольная по математике. Среднее значение, мода, медиана...

Роняю DVD с фильмом обратно в сумку. Девчачьим посиделкам у телевизора сегодня не бывать.

– Давай помогу готовиться, – предлагаю я.

– Не надо. Я уже карточки написала, буду заниматься по ним, – качает головой Зои и показывает упомянутые карточки в качестве доказательства.

Стараюсь не обижаться и не принимать отказ на свой счет. Когда мне было двенадцать... вернее, шестнадцать... или даже семнадцать... сама бы скорее зубы лечить пошла, чем провела вечер с мамой.

Киваю:

– Как хочешь.

Не успеваю выйти из комнаты, как Зои тихонько, точно мышка, подкрадывается к двери и запирается изнутри на замок.

Крис

Сидим в номере отеля – Генри, Том, Кэссиди и я. Номер мой. На телевизоре стоит наполовину опустевшая коробка из-под пиццы пепперони. Ура, наконец-то мясо! По полу раскиданы пустые банки из-под газировки – меню сегодня безалкогольное. Генри в ванной. Что-то долго не возвращается – по большой нужде, что ли, пошел? Том в углу разговаривает по телефону, зажав пальцем ухо, чтобы было лучше слышно. По моей кровати раскиданы листы с секторными диаграммами и гистограммами. Всюду стоят грязные тарелки – на столе, на полу. Тарелка Кэссиди на столике у стены. Пицца почти не тронута, рядом банка с диетической колой. Беру себе кусочек и запихиваю в рот. Кэссиди бросает на меня многозначительный взгляд. Пожимаю плечами и оправдываюсь:

– А что такого? Хайди в последнее время перешла на вегетарианское меню. Просто восполняю недостаток протеина.

– Сколько же тебе протеина надо? Целый «Нью-Йорк стрип стейк» сжевал, и все мало, – улыбаясь, поддразнивает Кэссиди.

Улыбка игривая. Кэссиди Надсен лет двадцать с чем-то, ближе к тридцати. Недавно получила диплом магистра бизнес-администрирования. В компании работает месяцев десять. Очень талантливая, просто поразительно, но, в отличие от многих «ботаников», ни внешностью, ни привычками «ботаника» не обладает, да и застенчивостью не отличается. Такие девушки могут с умным видом употреблять «страшные» слова вроде «фидуциарная обязанность» или «хеджирование», однако оставаться при этом сексапильными. Телосложение у Кэссиди типа «фонарный столб» – высокая, тонкая, а наверху, в зоне декольте, круглые сияющие шары, так и притягивающие взгляд.

– Вот и жена меня так же пилит. Думал, здесь отдохну.

Кэссиди пристроилась на краю кровати. Одета в юбку-карандаш и туфли на каблуках высотой сантиметров семь. Девушке с таким ростом каблуки носить вообще не обязательно, однако благодаря шпилькам соблазнительная фигура выглядит еще более эффектно. Кэссиди проводит руками по золотистым волосам. Стрижка у нее короткая, элегантный боб.

– Значит, я тебя пилю... Обидно слышать.

За окном зажигаются городские огни. Тяжелые шторы раздвинуты. Справа виднеется Трансамериканская пирамида, офисный небоскреб 555 на Калифорния-стрит и залив Сан-Франциско. Уже начало десятого. В соседнем номере громко работает телевизор. За стеной кто-то смотрит бейсбол. Отборочный матч. Беру с тарелки Кэссиди еще пепперони и слушаю. «Гиганты» ведут со счетом 3:2.

Генри выходит из ванной. Когда распахивается дверь, изо всех сил стараемся игнорировать вонь.

– Крис. – Генри протягивает мне телефон.

Интересно, мыл ли он руки? Не исключено, что весь разговор вел, восседая на унитазе. Изысканными манерами Генри не отличается. Замечаю, что ширинка у него расстегнута. При других обстоятельствах сказал бы, но теперь, когда из-за Генри провонял весь мой номер, решил промолчать.

– Тебя. Аарон Свиндлер.

Беру телефон. Той же рукой Генри хватает кусок пиццы. Аппетит сразу пропадает.

Аарон Свиндлер – наш потенциальный клиент, и ухо с ним надо держать остро. Стараюсь говорить своим самым располагающим тоном и направляюсь в угол тесного номера.

– Здравствуй, мистер Свиндлер, – приветствую клиента я и, как и подобает, начинаю с маленькой светской беседы. – Хорошо сегодня играют «Гиганты»...

Хотя из-за стены уже доносятся негодующие вопли и свист. Похоже, «Гиганты» уже успели уступить лидерство.

Не всегда мечтал стать инвестиционным банкиром. В шесть лет, например, у меня было много высоких целей. Космонавт, баскетболист, парикмахер (тогда мне эта профессия казалась классной – что-то вроде хирурга, только для волос). А когда начал взрослеть, меня уже волновал не столько сам род занятий, сколько оплата. Начал мечтать о пентхаусе на Золотом побережье Калифорнии, шикарной спортивной машине, всеобщем уважении. Перебрал много профессий – юрист, врач, летчик, но ни одна не подходила. К тому времени, когда пора было поступать в колледж, я уже стал испытывать к деньгам такую любовь и нежность, что решил специализироваться на финансах. Тогда собственный выбор казался мне идеальным. Сидеть в аудитории среди других ребят с большими запросами, говорить о деньгах и только о них. Деньги, деньги, деньги.

Оглядываясь назад, понимаю, почему Хайди понравилась мне с первой же встречи. В отличие от остальных знакомых, составлявших мой круг общения, деньги ее не волновали совершенно. Наоборот, Хайди больше интересовали малоимущие – те, у кого денег нет. Я же старался попасть в избранное общество людей обеспеченных и привилегированных. Только и думал о том, у кого больше всех денег и как бы обогатиться самому.

Аарон Свиндлер долго и нудно рассуждает о производных финансовых инструментах, и тут в противоположном углу номера начинает звонить мой телефон. Мобильник лежит на кровати, на полосатом покрывале, рядом с Кэссиди. Сорокалетний холостяк Генри поворачивается на звук, но глядит не на телефон, а на длинные ноги Кэссиди в прозрачных колготках.

Жду важного звонка, который никак нельзя пропустить, поэтому жестом прошу ее ответить. Кэссиди жизнерадостно чирикает в трубку:

– Здравствуй, Хайди.

Съезживаюсь, как сдувшийся шарик. Черт! Даю ей знак, что сейчас подойду, но проклятый Аарон Свиндлер продолжает болтать. Вынужден выслушивать подробную беседу между Кэссиди и женой. Кэссиди рассказывает, как прошел полет, как мы ходили в стейк-хаус и какая в Сан-Франциско погода. Погода!..

С Кэссиди Хайди встречалась ровно три раза. Помню точно, потому что после каждой такой встречи меня наказывали продолжительным молчанием. Между прочим, Кэссиди не я на работу принимал! А в том, что она такая красавица, и вовсе нет моей вины. Познакомились они с Хайди летом, на корпоративном пикнике в ботаническом саду. До этого я Хайди про Кэссиди не рассказывал. Да и о чем было говорить, когда она к нам пришла всего месяца полтора назад? Упомянуть про Кэссиди не было необходимости, да и вообще, я справедливо считал, что это попросту неразумно. Но стоило Кэссиди, одетой в длинный сарафан без бретелек, впорхнуть в тень клена, где мы прятались от тридцатиградусной жары и немилосердно потели, как Хайди сразу смутилась. Принялась неловко тереть собственные насквозь мокрые джинсовую юбку и блузку. Уверенности в себе как не бывало.

«– Кто такая? – спросила жена, когда обязательный ритуал обмена фальшивыми улыбками и любезностями закончился и Кэссиди отправилась портить идиллию другой супружеской паре. – Твоя секретарша?»

До сих пор ломаю голову: если бы Кэссиди Над сен и впрямь оказалась секретаршей, было бы лучше или хуже?

Позже, когда вернулись домой, застал Хайди с пинцетом. Стоя перед зеркалом, жена выдергивала седые волоски, которых у нее от силы несколько штук. Вскоре после этого наш туалетный столик заполонили многочисленные средства по борьбе с морщинами и антивозрастные кремы.

Вспомнив обо всем этом, возвращаю Генри мобильный телефон со словами:

– Держи, Генри.

Нарочно стараюсь говорить громче, чтобы Хайди услышала, что мы с Кэссиди не одни. Беру мобильник и выбегаю в коридор. Не поймите неправильно – Хайди очень симпатичная, привлекательная женщина. Глядя на них с Кэссиди, никто бы не подумал, что одна старше другой на десять лет. И все же самой Хайди эта разница в возрасте не дает покоя.

– Привет, – здороваюсь я.

– Что это было? – сразу спрашивает Хайди.

Представляю жену дома, под одеялом, в красной фланелевой пижаме или ночной рубашке в горошек, которую выбрала Зои, когда мы покупали подарок маме на день рождения. Хайди смотрит новости по телевизору в спальне, на коленях лежит открытый ноутбук. Волосы небрежно собраны на затылке, чтобы не лезли в глаза. Жена ищет в Интернете информацию о трущобах в Дхарави или статистику по количеству людей в мире, живущих за чертой бедности. Что-то в этом роде. Хотя кто знает? Может, когда меня нет дома, Хайди смотрит порно. Однако тут же отмечаю эту мысль. Моя жена слишком правильная, чтобы смотреть порнографию, – для нее это было бы оскорблением эстетического вкуса. Должно быть, Хайди ищет, как использовать в хозяйстве «вегетарианскую говядину». В качестве кошачьего корма? Нет, лучше кошачьего наполнителя...

– Ты о чем? – прикидываюсь дурачком. Обои в коридоре отеля ужасные – все в красных геометрических узорах, от которых рябит в глазах.

– Почему к твоему телефону подходит Кэссиди?

– А-а... – тяну я. – В этом смысле...

Рассказываю о звонке Аарона Свиндлера, потом как можно скорее меняю тему. Выпаливаю первое, что приходит на ум.

– Как погода, дожди еще не закончились? – спрашиваю я. Что может быть банальнее разговоров о погоде?

Оказалось, не закончились. Льют с утра до вечера.

– Почему не спишь? – задаю следующий вопрос я. В Чикаго сейчас почти двенадцать.

– Что-то не хочется, – отвечает Хайди.

– Так сильно скучаешь? – предполагаю я, хотя оба мы знаем, что дело не в этом. Еще с тех пор, как мы начали встречаться, в командировках я бываю чаще, чем дома. Хайди давно привыкла к моим частым отлучкам. Говорят, в разлуке чувства крепнут. Во всяком случае, так говорит Хайди, когда я спрашиваю, не скучает ли она без меня. Жена, конечно, не признается, но, по-моему, ей нравится, когда вся кровать в ее полном распоряжении. Хайди любит спать по диагонали, раскинувшись на животе, и постоянно тянет на себя одеяло. В общем, нашему браку мои постоянные ночевки в отелях только на пользу.

– Конечно, скучаю, – произносит Хайди и вполне предсказуемо добавляет: – Но в разлуке чувства крепнут.

– Давно хотел спросить, чья это цитата? – интересуюсь я.

– Не помню. – Слышу, как Хайди что-то печатает на клавиатуре. Щелк, щелк, щелк. – А как вообще дела?..

– Нормально, – отвечаю я, страстно желая, чтобы жена ограничилась этим ответом. Но моя Хайди не из таких.

– Нормально? И все? – настаивает она.

Приходится подробно рассказывать о рейсе, отложенном из-за дождя, стакане апельсинового сока, который пролил на себя, когда попали в зону турбулентности, обеде с клиентом на Рыбацкой пристани и причинах, по которым меня безумно раздражает Аарон Свиндлер.

Но в ответ на мой вопрос, как прошел день, жена принимается рассказывать не о себе, а о Зои.

– Как-то она себя странно ведет, – делится Хайди.

Усмехаюсь. Прислонившись спиной к красным обоям, сползаю вниз по стене и усаживаюсь прямо на пол.

– Хайди, Зои двенадцать, – успокаиваю жену я. – Это нормально.

– Сегодня она спала днем.

– Ну, устала, решила вздремнуть, что тут такого? – отвечаю я.

– Крис, в двенадцать лет дети днем не спят.

– Может, заболела? Грипп начинается? Сейчас ведь эпидемия, – говорю я. – Уже куча народу заразилась.

– Может быть, – произносит Хайди, но потом прибавляет: – Хотя не похоже. На вид здорова.

– Ну, не знаю, Хайди. Самому мне двенадцать было давно. И вообще, я же мальчик, в ваших женских делах не разбираюсь. Мало ли что с ней может быть – проблемы роста, половое созревание. А может, просто не выспалась. Бывает.

Живо представляю, как у Хайди отвисает челюсть.

– Думаешь, у Зои уже началось *половое созревание*? – пугается жена. Будь ее воля, Зои до сих пор носила бы подгузники и пижамки для младенцев. Не дожидаясь ответа, Хайди решительно заявляет: – Нет, конечно. У Зои еще даже месячные не начались.

Меня передергивает. Месячные? У Зои? Даже думать не хочется о том, что наша дочка будет пользоваться тампонами, а я – выслушивать отчеты от Хайди на эту тему.

– Посоветуйся с Дженнифер, – предлагаю я. – Спроси, начались ли у Тейлор... – строю гримасу и с трудом выдавливаю из себя это слово, – месячные.

Мне ли не знать, что женщины могут решить любую проблему за дружеской беседой? А если Тейлор тоже вступила в период полового созревания, Хайди с Дженнифер организуют горячую линию – будут созваниваться и отправлять друг другу эсэмэски, консультируясь по самым разным вопросам – от появления волос на теле до спортивных лифчиков для уроков физкультуры. И все будут довольны.

– Обязательно спрошу, – решает Хайди. – Хорошая идея. Да, надо обсудить с Дженнифер.

Ободренная, Хайди на секунду умолкает. Представляю, как она закрывает ноутбук и ставит его на мою сторону кровати. Сегодняшней ночью он будет ее единственным компаньоном.

– Крис... – вдруг начинает она.

– Что?

Но жена тут же передумывает.

– Не важно.

– Что случилось? – настаиваю я.

По коридору, взявшись за руки, идет пара. Торопливо подбираю под себя ноги, чтобы дать им пройти. Женщина помпезным тоном произносит:

– Прошу прощения, сэр.

Киваю в ответ. Надо же – до сих пор держатся за руки, хотя обоим никак не меньше шестидесяти пяти. Гляжу пожилым супругам в спину. На обоих одинаковые брюки хаки и плащи. Только сейчас вспоминаю, что мы с Хайди в последний раз брали друг друга за руки давным-давно. Мы как колеса в машине – работаем слаженно, но каждый сам по себе.

– Да так, ничего.

– Точно не хочешь рассказать?

– Может, когда домой приедешь.

Голос звучит устало. Кажется, Хайди наконец позволила сну себя одолеть. Должно быть, сейчас она все глубже забирается под наше теплое одеяло, из-за которого я потею даже в разгар зимних морозов. Представляю нашу спальню: свет выключен, телевизор выключен, очки Хайди лежат на обычном месте – на тумбочке у кровати.

Тут вдруг откуда ни возьмись появляется совершенно неуместная и нежеланная мысль, от которой спешу поскорее избавиться. *Интересно, а в чем спит Кэссиди Надсен?*

– Ладно, – соглашаюсь я. Изнутри нашего номера кто-то начинает стучать в дверь. Зовут меня. Поднимаюсь с пола и говорю Хайди, что мне пора. Желаем друг другу спокойной ночи. Говорю, что люблю ее. Хайди, как всегда, отвечает: «Я тоже». Конечно, мы оба знаем, что правильнее говорить «я тебя тоже», иначе получается, что Хайди признается в любви к себе. Но такая уж у нас привычка.

Когда возвращаюсь в номер и вижу Кэссиди, все еще сидящую на краю кровати в узкой юбке и туфлях на шпильках, невольно принимаюсь угадывать, в чем же она все-таки спит. В атласной комбинации? В кокетливой ночной рубашке с оборочками?

Хайди

Просыпаюсь с мыслями о Кэссиди Надсен. Не помню, что мне сегодня снилось, поэтому не могу сказать, видела ли ее во сне, или мысли об этой особе атаковали меня сразу после пробуждения. И все из-за вчерашнего неловкого разговора. Снова и снова вспоминаю, как непринужденно она ответила на мой звонок Крису, как жизнерадостно прочирикала: «Привет, Хайди». Для меня звук ее голоса был не менее раздражающим, чем царапанье гвоздей по стеклу.

По пути на работу стараюсь не думать ни про девушку, ни про ее ребенка, но это задача не из легких. В поезде прилагаю все усилия, чтобы сосредоточиться на научно-фантастическом триллере, а не сидеть, уставившись в залепленное грязью окно, высматривая успевшее стать таким знакомым зеленое пальто. В перерыв обедаю с коллегой. В библиотеку не пошла, хотя едва сумела удержаться. Сейчас бы бродила между стеллажами в секции художественной литературы, разыскивая девушку с младенцем. Очень беспокоюсь за них обоих: где они ночуют, что едят? Размышляю, чем могу помочь. Может, денег ей дать, как той женщине с черными зубами, которая вчера просила милостыню возле библиотеки? Или дать девушке адрес специального приюта для женщин? Решаю, что именно это и должна сделать – разыскать девушку и отвезти ее в приют на Кедзи-авеню. Там позаботятся и о ней, и о ребенке. Тогда я смогу быть спокойна и перестану тревожиться за их судьбу.

Собираюсь бежать в библиотеку. Обед с коллегой все равно скучный, да и сама коллега тоже. Но тут звонит мобильный телефон. Наконец-то мне перезвонила моя дорогая подруга Дженнифер. Извиняюсь и бегу из столовой в свой кабинет, чтобы поговорить спокойно. Все мысли о девушке и ребенке временно вылетели из головы.

– Ты меня спасла, – объявляю я, плюхаясь на свой жесткий, холодный и совершенно не эргономичный стул.

– От чего? – сразу интересуется Дженнифер.

– От страшного недуга – *taedium vitae*.

– Переведи.

– От скуки, – поясняю я.

У меня на столе стоит в рамке наша фотография – Дженнифер с Тейлор и я с Зои. Сфотографировались года четыре назад. В те счастливые времена наши веселые, улыбчивые восьмилетние малышки еще не стеснялись появляться на людях в обществе мам. Девочки сидят у нас на коленях. Глаза у Тейлор большие, а когда она улыбается, уголки рта опущены вниз, отчего выражение лица кажется грустным. Мы с Дженнифер сидим, прижавшись друг к другу щеками, чтобы попасть в кадр.

Дженнифер давно в разводе. Ни разу не встречала ее бывшего мужа, но, судя по описаниям, этот человек отличался ослиным упрямством и мрачным, тяжелым характером. Настроение у него портилось легко и часто, из-за чего супруги постоянно ссорились, и Дженнифер приходилось ночевать на диване – упрямый муж ни в какую не соглашался уступить жене кровать.

– У Тейлор ведь еще не началось половое созревание? – сразу перехожу к делу я.

Хорошо иметь близкую подругу. Можно говорить все как есть, не редактируя свои слова и не подвергая их цензуре.

– Ты про месячные, что ли?

– Ну да.

– Нет. Слава богу, пока не начались, – отвечает Дженнифер.

На меня сразу накатывает огромное облегчение.

Но тут все дело портит моя чересчур въедливая натура. У всех свои слабости, и эта у меня одна из главных.

– Как думаешь, это нормально? Может, уже пора? – волнуюсь я.

Роясь в Интернете, прочла, что менструации могут начаться и в тринадцать, и даже в восемь. Но на сайтах, на которые я заходила, пишут, что случается это приблизительно через два года после того, как у девочки начинает расти грудь. А у Зои в ее двенадцать лет грудь совершенно плоская.

– Наши девочки ведь не отстают?..

В моем голосе звучит тревога, и, должно быть, Дженнифер это заметила. Подруга работает в больнице клиническим диетологом. Обращаюсь к ней по любым вопросам, связанным со здоровьем, будто тот факт, что Дженнифер трудится в лечебном учреждении, делает ее экспертом во всех областях медицины.

– Расслабься, Хайди. В этом деле отстать невозможно. У всех свой ритм, каждая девочка взрослеет в свое время, – заверяет Дженнифер, потом прибавляет, что в любом случае контролировать созревание Зои не в моих силах.

– Хотя ты, конечно, будешь стараться изо всех сил, – с легкой укоризной прибавляет Дженнифер. – Знаю я тебя.

Такую прямооту можно себе позволить, только говоря с лучшей подругой. Смеюсь – Дженнифер попала в точку.

Потом разговор заходит про весенний футбольный сезон. Наши дочки играют в команде для девочек. Обсуждаем, что они думают про свою новую ярко-розовую форму, подходит ли для команды название «Счастливые звездочки» и до какой степени все девочки влюблены в тренера, двадцатилетнего студента, не прошедшего отбор в университетскую сборную. Впрочем, мамы наши тоже не могут устоять перед чарами тренера Сэма, чему мы с Дженнифер выступаем живым примером. Живо обсуждаем его густые темные волосы, загадочные карие глаза, идеальную спортивную фигуру. Сэм и силен, и ловок, а таких крепких икроножных мышц мы еще ни у кого не видели – впрочем, чего еще ожидать от футболиста? Обсуждать нашего красавчика-тренера – отличный способ отвлечься от тревожных мыслей: и о созревании Зои, и о девушке с младенцем. С этой темы плавно переходим к разговору об одноклассниках девочек, а конкретно – об Остине Белле. В этого мальчика влюблены все, включая наших Зои и Тейлор. Дженнифер признается, что обнаружила в тетради у дочери изящно выведенные слова «миссис Тейлор Белл». Вспоминаю имя «Остин», написанное на бледной руке дочки розовым фломастером. Буква «О» в форме сердечка.

– У нас в школе тоже был такой мальчик. Брайан Бахмайер, – делюсь я, вспоминая его вечно взлохмаченные, стоящие торчком волосы. Глаза у Брайана были разного цвета – один голубой, другой зеленый. Семья его приехала из Сан-Диего, штат Калифорния. Это само по себе внушало к новичку уважение, а Брайан вдобавок знал все модные танцы – карлтон, джигги, тутси-ролл. Все девчонки были от него без ума, а парням оставалось только завидовать.

Помню, как на своей первой вечеринке пригласила Брайана танцевать. И то, что он ответил «нет», помню тоже.

Думаю про Зои и Тейлор. Пожалуй, наши девочки не так отличаются от нас, как мне казалось.

Раздается стук в дверь. Поворачиваюсь и вижу Дану, нашу незаменимую секретаршу, дежурящую в приемной. Дана напоминает, что у меня сейчас урок с двадцатитрехлетней девушкой из Бутана, маленького южноазиатского государства, расположенного между Индией и Китаем. Ей только что дали политическое убежище. Почти всю жизнь девушка провела в лагере беженцев в соседнем Непале. Ютилась в бамбуковой хижине с земляным полом, выживала только благодаря продуктовому пайкам. А потом ее отец покончил с собой, и девушка

попросила убежища в Соединенных Штатах. Единственный язык, которым она владеет, – непали.

Прикрыв телефон ладонью, шепотом отвечаю Дане, что сейчас приду.

– Долг зовет, – говорю Дженнифер.

Сегодня после школы Зои отправляется к Тейлор в гости с ночевкой. Еще раз по-быстрому все согласовываем. Зои так рада, что я ее отпустила, что сегодня утром, перед тем как бежать в школу, даже попрощалась.

День тянется медленно и невыносимо скучно. Дождь стихает, но небо над городом по-прежнему затянуто тяжелыми серыми тучами, в которых скрываются верхушки небоскребов. В пять часов прощаюсь с коллегами и спускаюсь на лифте на первый этаж. Редко ухожу с работы так рано, однако сегодня не могу удержаться от соблазна. Сегодня квартира будет в моем полном распоряжении – Зои ночует у Тейлор, а рейс Криса задержали, поэтому прилетит муж только после десяти часов вечера. Маленькое безобидное удовольствие, насладиться которым удастся так редко... Предвкушаю, как завалюсь на диван в теплой, уютной пижаме, посмотрю какой-нибудь женский фильм и одна съем целый пакет попкорна, приготовленного в микроволновке. А потом еще побалую себя шариком мятного мороженого с шоколадом!

Тучи начинают рассеиваться. Солнечные лучи отважно пробиваются через образовавшиеся просветы, так что сегодня впервые за несколько дней можно увидеть закат. Воздух холодный, температура всего четыре градуса. Вдобавок дует ветер. Натягиваю кожаные перчатки и накидываю на голову капюшон. Вместе с другими прохожими, спешащими домой с работы, почти бегу к станции «Л». Кое-как протискиваюсь в переполненный вагон. Пассажиры набились как сельди в бочку и стоят вплотную прижатые друг к другу. Поезд, покачиваясь на рельсах, прокладывает себе путь по извилистым путям.

Высидевшись на станции Фуллертон, осторожно спускаюсь по мокрым ступенькам. Идущий рядом мужчина закуривает сигарету. Запах табака всегда казался мне приятным, потому что напоминает о доме. Выросла я под Кливлендом. Наша семья жила в доме семидесятых годов, построенном в колониальном стиле. Стены были покрашены с помощью губки, и мама была в полном восторге от получившегося эффекта.

Папа дымил как паровоз – выкуривал по полпачки «Мальборо Ред» в день. Однако в доме он никогда не курил, каждый раз выходил в гараж. И в машине тоже, если на заднем сиденье ехали брат и я. У мамы с этим было строго. Но от папы всегда пахло табаком. Запах впитался в одежду, волосы, руки. Весь воздух в гараже был прокурен, и мама жаловалась, что сквозь тяжелую металлическую дверь запах проникает в нашу белоснежную кухню. Все предметы обстановки были белого цвета – шкафчики, рабочие поверхности, холодильник, массивный стол в фермерском стиле. По утрам, не успевал папа встать с кровати, как сразу прокрадывался в гараж с чашкой кофе и «Мальборо Ред». Бывало, папа выходил из гаража на кухню, а я сидела за столом и завтракала шоколадными шариками. Папа смотрел на меня с милой, обаятельной улыбкой (ничего удивительного, что мама вышла замуж именно за него!) и предостерегал: «Не кури, Хайди. Это плохая привычка». Прямо так и говорил. Потом мыл руки, присоединялся ко мне за столом, и мы вместе принимались весело хрустеть шоколадными шариками.

Спускаясь по ступенькам, думаю о папе. Пальцы невольно тянутся к золотому ободку обручального кольца, которое повесила на цепочку и ношу на шее. Ощупываю все знакомые углубления и выпуклости. На внутренней стороне выгравированы слова «Вместе навсегда».

На какую-то секунду кажется, будто замечаю в толпе папу. Вот он стоит в рабочей одежде, купленной в магазине «Кархартт», одна рука засунута в задний карман, в другой пачка сигарет. Папа глядит на меня и улыбается. С петли на поясе свисает молоток, на лоб надвинута кепка с эмблемой бейсбольной команды «Кливленд Индиане». Темные волосы, как всегда, торчат во все стороны. Мама постоянно умоляла его подстричься. «Папа», – едва не произношу

вслух, но, быстро опомнившись, качаю головой. Нет, папа никак не может здесь оказаться. Или может?.. Конечно же нет, решаю я. Что за глупости?

Вдыхаю вредный табачный дым, испытывая и удовольствие, и грусть одновременно, и вдруг слышу детский плач. Я как раз сошла со ступенек. Не удержавшись, оборачиваюсь, высматривая младенца. И сразу вижу знакомую девушку. Дрожа от холода, она сидит под путепроводом, прислонившись спиной к кирпичной стене, вдоль которой выстроились лотки с газетами и журналами и зловонные мусорные баки. Девушка сидит прямо на холодном, мокром бетоне, среди луж, и укачивает ребенка. Девочка плачет. По движениям девушки замечаю, что она начинает нервничать, как и все матери, которым, несмотря на все усилия, никак не удается утешить младенца. Еще немного – и бедняжка совсем отчаится. У Зои в возрасте этой малышки были сильные колики. Дочка могла надрываться от крика часами, поэтому чувство бессилия и глубокая усталость, которые вижу в глазах девушки, мне до боли знакомы. Однако мне ни разу не приходилось укачивать ребенка холодным весенним вечером посреди улицы, сидя прямо на бетоне. И подаяния просить тоже не приходилось. Девушка сжимает в протянутой руке мокрый бумажный стаканчик из-под кофе, который, должно быть, выудила из ближайшего помойного бака. Прохожие мельком окидывают ее взглядом, некоторые бросают в стакан завалившуюся в карманах мелочь – кто четверть доллара, кто горстку пенни. Можно подумать, ей помогут эти жалкие гроши. У меня перехватывает дыхание. Эта девушка всего лишь ребенок. Ребенок с младенцем. Никто не заслуживает такой тяжелой судьбы – жить на улице и просить милостыню, чтобы раздобыть денег на пропитание. И особенно дети. Вспоминаю, сколько мы в свое время истратили только на детское питание и подгузники. Если эта девушка покупает подгузники для ребенка, на себя у нее ничего не остается. Нет денег ни на еду, ни на крышу над головой, ни на зонтик вроде того, что я себе представляла – с яркими золотистыми маргаритками.

Меня толкают спешащие мимо пассажиры. Отхожу в сторону, не в силах присоединиться к ним. Все торопятся вернуться в сухие, теплые дома, где их ждет вкусный домашний ужин. Но я не могу последовать их примеру. Ноги приросли к асфальту, сердце колотится быстро-быстро. Недовольный, пронзительный и безутешный плач малыша просто невозможно вынести. Наблюдаю за девушкой, которая начинает укачивать младенца все резче и резче. Вот она устало произносит, держа на весу стаканчик:

– Помогите, пожалуйста.

«Слышала – она просит о помощи? Что тебе еще нужно?» – говорю себе. Однако равнодушные прохожие как ни в чем не бывало бегут домой, оправдывая свое бездействие парой мелких монет, брошенных в стакан. Монет, которые все равно собирались бросить в керамическую свинью-копилку на полке у себя дома.

Невольно трепеща от волнения, направляюсь к девушке. При моем приближении она вскидывает подбородок. На секунду наши взгляды встречаются, но девушка быстро отворачивается и вытягивает вперед руку со стаканом. Узнаю изможденный, мрачный взгляд битого жизнью и не привыкшего к доброму отношению человека. Взгляд этот настолько неприветлив, почти враждебен, что едва не попятилась. Глаза у девушки холодного оттенка синего, по краям опухших век слишком много туши. Подумываю, не сбежать ли. А может, достать из кошелька двадцатидолларовую купюру, опустить в стакан и отправиться домой? Двадцать долларов – это вам не мелочь. Если экономить, на двадцать долларов можно питаться целую неделю, говорю себе в минуту нерешительности. Но тут же напоминаю себе, что она мать, и, скорее всего, потратит деньги на детское питание, поставив нужды ребенка выше своих. Девушка очень худая, намного тоньше Зои, хотя, казалось бы, куда уж тоньше?

– Хочешь, накормлю ужином? – предлагаю я, однако тон совсем не так решителен, как слова.

Мой тихий голос дрожит, его почти заглушают городские шумы. Такси мчатся по дороге и сигналият пешеходам, перебегающим дорогу в неположенном месте, на станции по громкой связи объявляют о скором прибытии поезда коричневой ветки из Лупа, потом состав с грохотом подъезжает к платформе. Ребенок продолжает плакать. Люди проходят мимо, болтая по мобильным телефонам и смеясь. В темном небе среди туч слышится раскат грома.

– Спасибо, не надо, – отвечает девушка. В голосе звучит горечь. Ей, пожалуй, было бы легче, если бы я просто бросила в стакан двадцатку и ушла. Легче сейчас, но тяжелее потом, когда ее начнет мучить голод, а плач ребенка окончательно издергает нервы. Девушка встает и, удобнее перехватив младенца, наклоняется, чтобы поднять свой кожаный чемодан.

– Попробуй положить ребенка на животик, – торопливо советую я, чувствуя, что девушка вот-вот сбежит. – От колик иногда помогает.

Жестами показываю, что надо делать. Девушка едва заметно кивает.

– Я тоже мама, – прибавляю я.

Она окидывает меня пристальным взглядом с ног до головы, гадая, почему я до сих пор торчу около нее, а не убегая, кинув в стакан несколько пенни, как все остальные.

– Есть один приют... – начинаю я.

– В приют не пойду, – перебивает девушка.

Вспоминаю огромную спальню в учреждении для бездомных, где тесными рядами выстроились десятки коек.

Похоже, девушка не робкого десятка. Ответ прозвучал жестко и нестигаемо. Однако соответствуют ли слова чувствам? Одета девушка в те же самые вещи, в каких увидела ее в первый раз: пальто защитного цвета и ботинки на шнуровке. И то и другое грязное и мокрое. Неровно подстриженные сальные волосы уныло обвисли. Должно быть, голову не мыла давно. Когда же она в последний раз принимала теплый душ и спала в кровати? Кстати, ребенку бы тоже ванна не помешала.

Представляю, как в такой же ситуации очутилась Зои. При одной мысли я едва не расплакалась. Зои, такая же колючая, ошетилившаяся, облачившаяся в защитную броню, просит милостыню около станции. Зои, ставшая года на три-четыре старше, с младенцем на руках.

– Давай я тебя покормлю. Пожалуйста, соглашайся, – повторяю свое приглашение.

Но девушка поворачивается и шагает прочь. Головка ребенка выглядывает поверх ее плеча. Младенец беспокойно вертится в объятиях матери. Меня охватывает отчаянное желание сделать хоть что-то. Но девушка удаляется и скоро совсем скроется в вечерней толпе пассажиров.

– Подожди, – окликаю я. – Послушай, пожалуйста.

Но девушка продолжает шагать вперед. Роняю сумку на мокрый тротуар и делаю первое, что пришло в голову: стягиваю свой водонепроницаемый дождевик с подкладкой и спешу к перекрестку на углу Фуллертон и Халстед. Девушка ждет, пока на светофоре загорится зеленый, и можно будет перейти запруженную машинами улицу. Набрасываю дождевик ей на плечи, прикрыв и ребенка тоже. Девушка бросает на меня неприязненный взгляд.

– Вы что делаете? – начинает она обвиняющим тоном, но я поспешно отступаю на пару шагов, чтобы девушка не смогла сунуть плащ обратно мне в руки. Стою посреди улицы в одной блузке-тунике с короткими рукавами и тоненьких леггинсах. Голые руки сразу начинает холодать.

Между тем на светофоре включается зеленый свет.

– Буду ждать в ресторане «У Стеллы», – говорю я. – На случай, если передумаешь.

Девушка пересекает Фуллертон вместе с остальными пешеходами. «У Стеллы» – ресторан американской кухни, где жарят восхитительные блинчики. Работает круглосуточно. Очень простое, демократичное местечко.

– На улице Халстед! – кричу ей вслед.

Девушка замирает посреди улицы и оборачивается на меня через плечо. Лицо озаряет свет фар.

– На улице Халстед! – повторяю громче. Вдруг не расслышала?

Стою на углу и гляжу ей вслед, пока она не скрывается из вида. Детского плача больше не слышно. В меня врзается какая-то женщина. Одновременно произносим «извините». Зябко ежась, скрешиваю руки на груди. Чувствую себя голой. Вроде апрель, а холодно, как осенью. Свернув на Халстед, спешу к ресторану «У Стеллы». Интересно, придет ли девушка? Сумеет ли отыскать место встречи? И вообще, слышала она меня или нет?

Когда вбегаю в ресторан, стоящая у двери хостес удивляется:

– В такую погоду – и без пальто! Насмерть простудитесь!

Внимательный взгляд карих глаз обводит меня с ног до головы – волосы растрепались, одежда слишком легкая. В доказательство, что я не бродяжка, выставляю вперед дорожную сумку – из фиолетовой кожи, стеганую, с узором в огурец. Можно подумать, у бездомных и без того жизнь недостаточно тяжелая – голод, отсутствие крыши над головой и чистой одежды... Но вдобавок приходится терпеть унижительное всеобщее презрение – всех бездомных считают лентяями, нечистоплотными, наркоманами...

– Столик на одного? – уточняет хостес, эффектная женщина с белоснежной кожей и глазами миндалевидной формы.

Не желая так быстро сдаваться, отвечаю:

– Нет, на двоих.

Хостес ведет меня к круглому столику в углу, у окна. Отсюда можно смотреть на Халстед. Заказываю кофе со сливками и сахаром. Сажу, не спуская глаз со спешащих прохожих. Люди постарше возвращаются с работы домой, молодежь направляется в многочисленные бары Линкольна. Их смех доносится до меня сквозь щели в окнах ресторана. Гляжу на пеструю толпу. Люблю наблюдать за людьми. Деловые мужчины в темно-серых костюмах и ботинках за тысячу долларов, уличные рок-музыканты в одежде из секонд-хенда, матери с нарядными колясками, старик, ловящий такси. Но сегодня ни на кого не обращаю внимания. Высматриваю среди прохожих девушку. Несколько раз кажется, будто в толпе мелькают пряди мокрых русых волос, нейлоновая ткань тонкого пальто, развязавшийся шнурок на ботинке. Уже несколько портфелей приняла за кожаный чемодан, а в визге шин на мокром асфальте мерещится детский плач.

Приходит эсэмэска от Дженнифер – подруга сообщает, что приехала домой с работы, и девочки отлично проводят время. Чтобы скрасить ожидание, проглядываю электронную почту. Почти все письма по работе плюс несколько рекламных. Потом гляжу в окно. Когда же наконец закончится дождь? Похоже, не скоро. Официантка, женщина за сорок с пышными рыжими волосами и прозрачной белой кожей, предлагает принять у меня заказ. Отвечаю:

– Нет, спасибо. Дождусь друзей.

Женщина улыбается и кивает:

– Конечно.

Однако за неимением других занятий принимаюсь изучать меню и останавливаю выбор на французских тостах. Но потом решаю, что ограничусь кофе, ведь мои «друзья» могут и не прийти. Смотрю на часы. Если к семи часам девушка с ребенком так и не появятся, заплачу за кофе, вознаградив официантку щедрыми чаевыми за долготерпение, и сразу отправлюсь домой, где меня ждут фильм, попкорн и тревожные размышления о судьбе девушки и ребенка.

Наблюдаю, как посетители приходят и уходят. Смотрю, как они едят, едва не пуская слюни при виде обильных порций немецких блинчиков и гамбургеров с картошкой фри. Не люблю есть одна. Официантка возвращается и подливает в мою чашку еще кофе. Спрашивает, не принести ли уже счет. Отвечаю, что нет.

Сажу и жду. На часы гляжу каждые две с половиной минуты. Восемнадцать тридцать восемь. Восемнадцать сорок. Восемнадцать сорок три.

И тут замечаю ее. Девушку с ребенком.

Уиллоу

– Ко мне давно никто не относился по-доброму. Только Хайди, – говорю я старухе с серебристо-седыми волосами, слишком длинными для ее возраста. Пожилые женщины обычно стригутся намного короче. Типичная прическа бабушек. Вспоминаю, как мама делала такую стрижку миссис Даль, когда я была маленькая. А еще завивала волосы при помощи ярко-розовых щипцов. Вставляла в розетку и ждала, пока нагреются, а потом больше получаса старательно накручивала на них тонкие темно-серые пряди. Закончив, обрызгивала укладку лаком. Моей обязанностью было подавать маме шпильки, поэтому мы сидели поблизости, в крошечной ванной, и слушали, как миссис Даль долго и нудно рассказывает про искусственное осеменение скота у себя на ферме. Мне было восемь лет, поэтому ничего не понимала, однако, когда мама и миссис Даль произносили какое-нибудь слово по буквам – нарочно, чтобы мы не поняли, – принималась вслух складывать их вместе. «С-п-е-р-м-а». «В-у-ль-ва».

– Тогда почему ты так ее подставила? – спросила старуха. Длинные седые волосы расчесаны на прямой пробор. Зубы огромные, как у лошади.

– Не хотела, чтобы с ней случилось что-то плохое, – произношу я. – Или с ее семьей.

Старуха вздыхает. Не успела она войти в холодную комнату, как сразу стала поглядывать на меня с подозрением. Близко не подходит, стоит у двери и внимательно смотрит из-за очков в прямоугольной оправе. Глаза у нее серые, кожа тонкая и морщинистая, будто мятая бумажная салфетка. Представилась старуха Луизой Флорес. Причем имя произнесла так медленно, будто я почему-то обязательно должна его запомнить.

– Начнем сначала, – говорит она, садясь на второй стул. Принимается раскладывать вещи на столе, который нас с ней разделяет – диктофон, секундомер, блокнот, фломастер. Не нравится мне эта Луиза Флорес.

– Она предложила накормить меня ужином, – произношу я. Мне сказали, что этой седой старухе лучше все выкладывать честно и напрямик. Так советовали те, кому тоже пришлось иметь с ней дело: мужчина с усами и пращевидной повязкой на подбородке и угрожающего вида женщина, с ног до головы одетая в черное.

– Миссис Вуд предложила тебя накормить?

– Да, мэм, – киваю я. – Хайди.

– Как мило с ее стороны, – с горечью произносит женщина. Записывает что-то фломастером в блокноте. – Значит, укусила руку, которая тебя кормит? Слышала такое выражение?

Сижу молча, уставившись прямо перед собой, но Луиза Флорес настаивает на ответе:

– Так слышала или нет? Знаешь, что значит «кусать руку, которая тебя кормит»?

Серые глаза пристально смотрят на меня. В прямоугольных стеклах очков отражается единственная флуоресцентная лампа на потолке.

– Нет, – вру я. Позволяю волосам упасть на лицо, чтобы не видеть Луизу Флорес. Чего не видишь, то тебе не повредит – такая у меня народная мудрость. – Ни разу не слышала.

– Да, начало многообещающее, – с неприятной усмешкой произносит Луиза Флорес и нажимает красную кнопку на диктофоне. Потом прибавляет: – Но сейчас меня интересует не миссис Вуд. О ней поговорим потом. Когда велела начинать сначала, имела в виду – с самого начала. С Омахи.

Хочу сказать, что на самом деле началось все не с Омахи, и мне это прекрасно известно.

– Что с ней теперь будет? – вместо этого спрашиваю я.

Мысленно повторяю, что не желала ей зла. Честное слово, не желала.

– С кем? – спрашивает Луиза Флорес, хотя отлично понимает, о ком речь.

– С миссис Вуд, – ровным, ничего не выражающим голосом поясняю я.

Старуха откидывается на спинку вертящегося стула.

– А тебе разве не все равно? Или просто время тянешь? – Луиза Флорес устремляет на меня пристальный, точно у хищной птицы, взгляд. Совсем как Джозеф. – Учти, времени у нас полно, – прибавляет она, скрестив руки на груди. Одета Луиза Флорес в безупречно свежую белую блузку. – Спешить мне некуда.

Однако, судя по резкому тону, она все-таки не прочь поторопиться.

– Что с ней будет? – повторяю я. – С Хайди?

Вспоминаю этот теплый, уютный дом и мягкую постель, в которой мы с малышкой лежали рядышком под коричневым одеялом, нежным, точно мех кролика. По всему дому на стенах были развешаны семейные фотографии. Все трое Вудов стоят рядом и улыбаются в камеру. Веселые, счастливые. В этом доме всегда было тепло. Я не про температуру, а про другое тепло, которое идет изнутри. В последний раз чувствовала что-то такое, когда еще жила с мамой. За восемь лет Хайди оказалась первой, кто заботился обо мне, как мать. Да, она первая отнеслась ко мне по-хорошему.

Луиза Флорес самодовольно усмехается. Взгляд серых глаз холодный и непроницаемый. Тонкие губы растянуты в фальшивой улыбке.

– Любое доброе дело наказуемо. Еще одна поговорка, – произносит она. Представляю миссис Вуд в оранжевой тюремной робе – такой же, как у меня. На лице – ни следа доброй улыбки.

Хайди

Девушка стоит на улице Халстед перед дверью ресторана и заглядывает внутрь через стекло. Не решается зайти. Дошла до самого крыльца, но все еще колеблется. Замечаю, что ребенок плачет, но уже не так безутешно. Скорее просто хнычет. Девушка завернула младенца в мой дождевик и старается держать его горизонтально – так, как я показала. Делать это ей неудобно, ведь надо еще держать чемодан. Умница, думаю я. Запомнила совет. Девушка берется за дверную ручку. На какую-то секунду начинаю бояться не того, что она передумает, а того, что вот-вот войдет. Сердце начинает биться быстро-быстро. Принимаюсь лихорадочно соображать, что же я ей скажу.

Сзади к девушке подбегает молодой человек и, спеша попасть внутрь, едва не сбивает ее с ног. Покачнувшись, девушка отступает в сторону. Неужели уйдет? И все из-за этого женоподобного молодого нахала с обильно обмазанными гелем волосами. Однако, входя в ресторан, он все же придерживает для нее дверь. Девушка замирает в нерешительности. Смотрит на него, потом окидывает взглядом улицу. Остаться или уйти? Уйти или остаться? Через секунду молодой человек резко, нетерпеливо интересуется:

– Будешь заходить?

В многолюдном, шумном ресторане едва различаю его голос. Позвякивает посуда и приборы, переговариваются посетители.

Судя по сердитому выражению лица, что бы девушка ни ответила, парень с удовольствием захлопнет дверь прямо у нее перед носом. Нервно сглатываю и жду ответа. Останется или уйдет? Уйдет или останется?

Девушка решает остаться. Заходит в ресторан, и хостес окидывает ее таким же подозрительным взглядом, как и меня. Грязное пальто, рваные джинсы, этот затхлый запах, который сопровождает всех, кто живет на улице. Ребенок между тем затихает, завороченно разглядывая лампы на потолке. В тепле младенец сразу успокаивается, да и шум, который действует на нервы мне, похоже, оказал на ребенка благотворное воздействие.

– Столик на одного? – достаточно грубо уточняет хостес.

Быстро встаю и машу рукой:

– Она со мной!

Судя по выражению лица, хостес догадалась, почему ребенок завернут в плащ, а я пришла в одной тунике с короткими рукавами. Хостес кивает на меня. Девушка прокладывает себе путь между ламинированными столиками и страдающими избыточным весом едоками, едва помещающимися на виниловых диванчиках. Мимо снуют официанты с подносами.

– Все-таки пришла, – говорю я, когда девушка останавливается возле меня. Ребенок поворачивается на звук моего голоса. В первый раз вижу этого малыша вблизи. Младенец улыбается беззубой улыбкой и издает звук, напоминающий воркование голубя.

– Вот, – произносит девушка, протягивая что-то зеленое, пластиковое, прямоугольное. Моя библиотечная карточка! – В кармане нашла.

Даже не пытаюсь скрыть, что это для меня неожиданность. Глупо было отдавать плащ, не проверив карманы. Вспоминаю, как вчера засунула туда карточку по пути из библиотеки на работу. В другой руке сжимала научно-фантастический триллер. Ах вот оно что – значит, девушка пришла вернуть мою карточку.

– Спасибо, – говорю я и забираю ее, едва удержавшись от соблазна дотронуться до ребенка, погладить пухлую щечку или мягкие, светлые, похожие на пух волосики.

– Сейчас вместе поужинаем, – объявляю я. Верчу карточку в руках, потом убираю в стеганую сумку.

Девушка не отвечает. Продолжает стоять на том же месте, глядя себе под ноги. Взгляд настороженный, подозрительный.

– Какое вам до меня дело? – спрашивает девушка, по-прежнему не глядя на меня. Замечаю, что руки у нее грязные.

– Просто хочу помочь.

Девушка ставит чемодан на пол и, зажав его между ног, поудобнее перехватывает ребенка, который вдруг ни с того ни с сего начинает вертеться. Впрочем, с младенцами так часто бывает. Должно быть, на лампы нагляделся вдоволь и теперь хочет кушать.

– Главное не то, что мир может предложить тебе, а то, что ты можешь в него привнести¹, – тихо, почти шепотом произносит девушка. Растерянно гляжу на нее. Девушка поясняет: – Это из «Ани». «Аня из Зеленых мезонинов».

Она цитирует «Аню из Зеленых мезонинов». Вспоминаю, как вчера она сидела на полу библиотеки с ребенком на коленях и читала эту книгу. Интересно, с какими еще произведениями детской классики она знакома? Читала ли «Ветер в ивах»? А «Таинственный сад»?

– Как тебя зовут? – спрашиваю я. Девушка не отвечает. – Меня – Хайди, – представляюсь я, надеясь, что она последует моему примеру. Впрочем, так в любом случае будет правильнее – в конце концов, из нас двоих взрослый человек я. – Хайди Вуд. У меня тоже есть дочка. Зои. Ей сейчас двенадцать.

Надеюсь, упоминание о Зои поможет ей проникнуться ко мне доверием. И действительно – через пару секунд девушка садится, осторожно придерживая ребенка. Неловко опустившись на банкетку, она достает из кармана пальто немытую, облепленную растворимым детским молоком бутылочку. Наполняет ее холодной водой из стакана, стоящего на столе, и подносит к ротiku ребенка. Вода слишком холодная, к тому же такое питье младенцу не полезно – это вам не детское питание и тем более не грудное молоко. Сначала ребенок медлит, но потом берет соску. Видимо, привык пить простую воду. К тому же она хоть как-то помогает ослабить чувство голода.

– Уиллоу, – вдруг произносит девушка.

– Так тебя зовут? – спрашиваю я.

Девушка медлит, затем кивает. Значит, Уиллоу.

Мы с Крисом выбрали для дочки имя Зои просто потому, что оно нам обоим понравилось. Другие варианты – Джулиэт, София, Алексис – решили приберечь на потом, уверенные, что они нам еще понадобятся. А для мальчика приготовили имя Зак – хорошая бы получилась парочка, Зак и Зои. А Крис, конечно, хотел назвать сына в свою честь. Мечтали, как переберемся в домик на севере, например в Лэйквью, или на западе, в Роско-Виллидж. По закладной придется платить чуть поменьше, зато до школы и работы добираться намного дольше. Выбирая колыбельку для Зои, невольно заглядывалась на детские двухэтажные кровати – такие хорошенькие, белые, решетчатые... Представляла, что мне еще много раз предстоит покупать стильные одеяльца, обставлять детские и переступать через разбросанные по полу игрушки. Даже решила, что дети наши будут на домашнем обучении – их образованием займусь сама. Все-таки дешевле, чем отправлять всех в частную школу вроде той, в которой сейчас учится Зои. Иначе мы рисковали истратить на образование воображаемых детей около сорока тысяч долларов в год.

Врач употребил термин «гистерэктомия». Удаление матки. По ночам лежала в кровати без сна и думала о том, что для меня означает это слово. Для врача и для Криса это была просто операция, медицинская процедура. А для меня – убийство. Не будет у нас ни Джулиэт,

¹ Приведенная цитата не из книги Люси Мод Монтгомери «Аня из Зеленых мезонинов» (1908), а из одноименного сериала 1985 года. (Здесь и далее примеч. пер.)

ни Зака, ни Софии, ни Алексис. Покупать детские одеяльца и обучать целую ораву детишек на дому мне теперь не придется.

Джулиэт, конечно, была. Однако после «простой» процедуры, которая была вовсе не простой, от нее не осталось и следа. Врач сказал, что понять, мальчик это или девочка, нельзя было. Крис мне потом много раз это повторял. И все же я была уверена, что зародышем, выброшенным, точно мусор, вместе с моими женскими органами, была Джулиэт.

До сих пор не могу удержаться и хожу по детским магазинам, скупая крошечные одежки: то возьму сшитый из натуральных материалов комбинезончик со зверушками, то тянусь за хорошеньким фиолетовым. Придя домой, складываю покупки в коробки, на которых нарочно написала «Хайди. Работа», и прячу в кладовку, смежную с нашей спальней. Крису и в голову не придет в них рыться. Думает, что там бумаги с удручающей статистикой по уровню грамотности или учебники по английскому.

– Красивое имя, – киваю я. – А девочку как зовут? Это ведь девочка?

– Руби, – после небольшой паузы выговаривает Уиллоу.

– Мило. Ей подходит, – говорю я, и это не просто комплимент. – Сколько ей?

Снова пауза. Потом Уиллоу нерешительно произносит:

– Четыре месяца.

– Готовы сделать заказ? – спрашивает неизвестно откуда выскочившая рыжеволосая официантка.

Уиллоу вздрагивает и растерянно косится на меня. Папка с меню лежит перед ней нетронутой.

– Мы еще подумаем, – говорю я, но предлагаю сразу заказать для Уиллоу чашку горячего шоколада. Сидя на виниловом диванчике, она ежится от холода. Обхватываю руками собственную чашку. Кофе уже успел остыть, и официантка подливает еще.

– Шоколад со взбитыми сливками или без? – уточняет она.

Уиллоу бросает на меня вопросительный взгляд, будто спрашивая разрешения. Забавно – стоило официантке упомянуть про взбитые сливки, и девушка сразу превращается в ребенка. Уиллоу – как знаменитая оптическая иллюзия, ваза Рубина. В зависимости от того, как посмотреть на рисунок, можно увидеть или два повернутых друг к другу профиля, или изящную вазу. Так и с Уиллоу – то перед тобой жесткая, независимая молодая женщина с ребенком, то беззащитная девочка, питающая слабость к горячему шоколаду и взбитым сливкам.

– Конечно, со сливками, – объявляю я. Пожалуй, даже слишком пылко. Вскоре официантка возвращается с вожденным напитком. Над блюдцем и белой чашкой поднимается пар, а сверху лежит похожая на сугроб горка, усыпанная шоколадной стружкой. Уиллоу тянется за ложкой и погружает ее в сливки, потом начинает слизывать, явно наслаждаясь вкусом. Должно быть, давно не приходилось баловать себя лакомствами.

Как вообще могло получиться, что девочка-подросток вроде нее очутилась на улице? Одна, без заботы и опеки. Конечно, задавать вопросы напрямую не стоит, иначе Уиллоу точно сбежит. Некоторое время она просто сидит и смотрит на взбитые сливки, потом накидывается на них, отправляя в рот полные ложки и не замечая, что вся измазалась. Руби с интересом – а может, даже с жадностью – наблюдает за мамой. Потом Уиллоу подносит чашку к губам и начинает пить – слишком быстро, слишком жадно, морщась и обжигая язык. Ложечкой вылавливаю из своего стакана с водой кубик льда и бросаю в горячий шоколад.

– Так быстрее остынет, – говорю я.

Уиллоу отпивает глоток. Теперь напиток не такой горячий.

Замечаю над ее левым глазом синяк. Пожелтевший, почти заживший. Когда Уиллоу хватается за меню, выбирая себе ужин, замечаю, что ногти у нее длинные и обломанные, края почернели от грязи. В каждом ухе по четыре дырки для сережек, включая одну наверху, в которую вдет черная заклепка. Другие украшения, спускающиеся вниз вдоль мочки, – серебря-

стые крылья ангела, готический крест и рубиново-алые губы. Однако пара у губ отсутствует – в левое ухо снизу ничего не продето. Представляю сережку, валяющуюся на грязном тротуаре рядом со станцией Фуллертон, где на нее наступают прохожие, или на проезжей части посреди улицы, где по ней ездят машины. Длинная челка свисает Уиллоу на лоб, закрывая глаза. Когда девушка хочет посмотреть на меня, сдвигает ее в сторону, а потом челка падает снова, точно занавес или вуаль. И на руках, и на лице кожа красная и потрескавшаяся. Тут и там виднеются точки запекшейся крови. На губах тоже трещинки. У ребенка то же самое. Кажется, у Руби вдобавок экзема – на белой нежной коже виднеются красные шероховатые участки. Лезу в сумку, достаю мини-упаковку лосьона и пододвигаю к Уиллоу.

– Когда холодно, всегда кожа на руках пересыхает. Вот, возьми, помогает.

Уиллоу берет лосьон, и я прибавляю:

– Руби тоже пригодится. Намажь ей щеки.

Смахнув со лба челку, Уиллоу кивает и тут же следует моему совету. От холодного лосьона Руби морщится. Серо-голубые глаза наблюдают за мамой с любопытством и легким неодобрением.

– Сколько тебе лет? – спрашиваю я.

Уиллоу отвечает с такой быстротой и готовностью, что сразу становится понятно – врет.

– Восемнадцать, – произносит она, не глядя на меня. До этого на все вопросы Уиллоу отвечала после долгих пауз, с запинками. Теперь же ее торопливость сразу убеждает меня, что девочка накинула несколько лет. И вот передо мной снова беспомощный ребенок с наивными глазами, мало чем отличающийся от Зои.

По закону дети становятся взрослыми в восемнадцать лет. Начиная с этого возраста они могут жить независимо, родители больше не имеют над ними власти. Не обязаны они и опекать взрослых детей. Восемнадцатилетнему позволено многое, что для семнадцатилетнего неприемлемо. Например, можно, если пожелаешь, жить одному на улице. Если Уиллоу семнадцать или, что более вероятно, пятнадцать или шестнадцать, возникают определенные вопросы. Где родители девочки и почему она не с ними? Уиллоу сбежала из дома? Или ее выгнали? Взгляд снова останавливается на желтом синяке. Может, девочку били? Если Уиллоу несовершеннолетняя, ее могут против воли вернуть домой – конечно, при условии, что у нее есть дом. В противном случае ответственность за нее должны взять на себя органы опеки.

Однако оставляю подозрения при себе. Пусть Уиллоу думает, что я ей поверила. Раз сказала – восемнадцать, значит, восемнадцать.

– Есть специальные приюты для матерей с детьми.

– Сказала же – в приют не пойду.

– Я сама работаю с молодыми девушками. Такими, как ты. Они беженки, приехали из разных стран. Я им помогаю здесь устроиться.

Официантка возвращается, чтобы принять заказ. Я останавливаюсь на тостах, Уиллоу решает заказать то же самое. Догадываюсь, что она в любом случае взяла бы то же, что и я. Должно быть, девушка не хочет показаться слишком наглой, заказав огромный бургер, когда я ограничилась бы салатом. Официантка забирает меню и скрывается за открывающейся в обе стороны алюминиевой дверью.

– Зря ты так, бывают очень хорошие приюты. И крышу над головой дадут, и медицинскую помощь предоставят, и психологическую, и образование помогут получить. Встанешь на ноги. Там тебе подскажут, как устроиться на работу, составят вместе с тобой резюме, а Руби устроят в ясли. У меня там знакомые. Хочешь, позвоню? – предлагаю я.

Но Уиллоу отвернулась и уставилась на пожилого мужчину, который сидит за столиком один и аккуратно разрезает сэндвич пополам.

– Не надо мне помогать, – оцетинивается Уиллоу и надолго умолкает.

– Хорошо, как скажешь, – уступаю я. Понимаю – если буду настаивать, она возьмет ребенка и кожаный чемодан и просто уйдет. – Хорошо, – повторяю я, на этот раз тише. Мы пришли к компромиссу – я не вмешиваюсь в ее дела, а она остается. Уиллоу доедает тосты почти в полном молчании. Руби засыпает у нее на коленях. Прежде чем отправить кусочек тоста в рот, Уиллоу подцепляет его вилкой и макает в кленовый сироп. Ест она с жадностью. Я же, наоборот, не спешу и наблюдаю за Уиллоу. Сироп течет по ее подбородку. Девушка вытирает его рукавом пальто.

Интересно, когда она в последний раз нормально ела? Это всего лишь один из многих вопросов, которые меня интересуют. Сколько Уиллоу лет на самом деле? Откуда она? Как и почему осталась без крыши над головой? Давно ли живет на улице? Кто отец Руби? Откуда у Уиллоу под глазом синяк? Часто ли она заходит в библиотеку – каждый день или от случая к случаю, под настроение? Для поддержания разговора едва не упоминаю добродушную библиотечаршу из отдела художественной литературы, но вовремя передумываю. Уиллоу ведь не знает, что я ее там видела. Не знает, что я пряталась в соседнем ряду и шпионила за ней, когда она вслух читала «Аню из Зеленых мезонинов».

Едим молча. Слышны только обычные во время еды звуки – как мы жуем и глотаем, как выдавливаем из пластиковой бутылки кленовый сироп, как Уиллоу роняет на пол вилку. Девушка нагибается за ней и, подняв, сразу вонзает в хлеб, будто бедняжку много дней или даже недель морили голодом.

Доев, Уиллоу берется за ручку чемодана и порывается встать.

– Уходишь? – спрашиваю я, не в силах скрыть боль в голосе.

Конечно же Уиллоу замечает мою интонацию.

– Да, – кивает она.

Руби на секунду просыпается, но потом снова начинает дремать.

– Подожди, – прошу я с тем же отчаянием, что и возле станции.

Уиллоу снова ускользает, и я не в силах удержать ее. Выуживаю из сумки кошелек и достаю двадцатидолларовую купюру. Чтобы заплатить за наш ужин, не хватит. Придется расплачиваться картой.

– Давай вместе сходим в аптеку, – почти умоляюще произношу я. – Купим самое необходимое. Детское питание, – начинаю перечислять я. – Подгузники...

Мазь гидрокортизон от экземы. Полезные злаковые батончики для Уиллоу. Крем от опрелостей. Зубную пасту. Зубную щетку. Шампунь. Расческу. Витамины. Бутилированную воду. Перчатки. Зонт. Но тут сама понимаю, что идея, мягко говоря, глупая – ведь тогда, кроме содержимого чемодана, Уиллоу придется таскать с собой еще и эти «предметы первой необходимости».

Девушка долгим взглядом смотрит на единственную купюру в моем кошельке. Не тратя времени на раздумья, вытаскиваю двадцатку и протягиваю девушке.

– Сходи в аптеку, – прошу я. – Купи все, что нужно. Для себя, для ребенка...

Секунду Уиллоу медлит, потом выхватывает деньги у меня из пальцев. Молча кивает – должно быть, это означает «да» и «спасибо».

Прежде чем Уиллоу успевает уйти, прошу:

– Подожди.

Не подумав, хватаюсь за нейлоновое пальто. Некачественная ткань на ощупь кажется непривычной – я такие вещи не ношу. Когда Уиллоу устремляет на меня взгляд холодных голубых глаз, торопливо отдергиваю руку и прошу:

– Не уходи, пожалуйста. Подожди секунду.

Нахожу в сумке простую черную визитку с моим именем и телефонными номерами, написанными белыми буквами, легко читаемым шрифтом Comic Sans. Один телефон мобильный, другой рабочий. Вкладываю карточку ей в руку.

– На всякий случай, – начинаю я.

Но тут мимо проносится официант, на одной руке удерживая над головой полный поднос. Нараспев произносит:

– Извините, дамы.

Уиллоу пятится от него, пятится от меня и медленно отступает к дверям, скрываясь из вида. Остаюсь стоять одна посреди ресторана «У Стеллы» и мысленно умоляю девушку вернуться. Но она, конечно, уже ушла. Не замечая моего огорчения, подходит рыжая официантка и протягивает счет.

Домой возвращаюсь долгой дорогой, но ни холода, ни сырого тумана не чувствую. Захожу в букинистический магазин на Линкольн-авеню и покупаю «Аню из Зеленых мезонинов». За книгу плачу всего два доллара. В состоянии она неважном – некоторые листы вываливаются, между пожелтевшими страницами спрятаны забытые сокровища: закладка с кисточками, старая фотография маленькой девочки в белых гольфиках и ее дедушки в синих клетчатых брюках. Книга с подписью: «Маме. 1989 год».

На лестничной площадке встречаю соседа Грэма. Он выбрасывает в мусоропровод бутылку из-под вина.

– Между прочим, бутылки надо бросать в специальный контейнер, тогда их отправят на переработку. Так полезнее для экологии, – укоризненно напоминаю я. Слышу в своем голосе «учительские» нотки, которые так раздражают Криса.

Но Грэм только смеется. Дверь квартиры он оставил нараспашку. На диване с бокалом шабли возлежит очередная блондинистая королева красоты. Обмениваемся взглядами. Вежливо улыбаюсь, но девушка на мою улыбку не отвечает.

– Опять попался. Экологическая полиция, руки вверх! – шутит он, но бутылку выбрасывать передумывает.

Специальные баки, о которых я говорила, стоят возле черного хода. Ничего удивительного, что человеку, не слишком заботящемуся о проблемах окружающей среды, лень преодолевать такой путь. Но для меня это важно. Собираюсь было объяснить, что стеклянная бутылка разлагается чуть ли не миллион лет, но вовремя прикусываю язык.

Очень хочется с кем-то поделиться, рассказать про сегодняшний вечер в ресторане «У Стеллы». Крис на роль доверенного лица не подходит. Даже Дженнифер меня не поймет – подруга слишком разумная и здравомыслящая. Нужен кто-то такой же спонтанный и порывистый, как я. Тот, кем руководят чувства, воображение и эмоциональное отношение к ситуации, для кого фантазия не пустой звук. Кто-то вроде Грэма.

Но из открытой двери квартиры соседа доносятся звуки акустической гитары – это играет стереосистема. Королева красоты зовет Грэма по имени. Взяв бутылку под мышку, сосед говорит, что ему надо идти. Прощаюсь и смотрю, как он закрывает за собой дверь. Гляжу на украшающий ее квадратный венок самшита. Из квартиры доносятся веселые взвизгивания девушки.

Дома фильм смотреть передумываю. Вместо этого укладываюсь в кровать с «Аней из Зеленых мезонинов». Когда Крис наконец приезжает из аэропорта, быстро прячу книгу под кровать. От глаз ее надежно скрывает темно-серая оборка покрывала, заглядывают за которую только кошки. Притворяюсь, что уже сплю.

Крис укладывается рядом со мной и медленно целует. Однако прикосновения его губ только лишний раз напоминают о Кэссиди Надсен.

Уиллоу

Мама была самой красивой женщиной на свете. Длинные черные волосы, тонкое лицо с высокими скулами, безупречный изгиб бровей и самые яркие синие глаза, которые я когда-либо видела. «Люблю тебя, как белка орехи» – говорила она. Или: «Люблю тебя, как мышка любит сыр». По полдня проводили, выдумывая варианты позабавнее. «Люблю тебя, как толстяк тортики». А потом покатывались со смеху. Это была наша игра.

Жили мы в штате Небраска, в маленьком деревенском домике в пригороде Огаллалы. Мама, папа, Лили и я. Поэтому началось все с Огаллалы, а вовсе не с Омахи. Сначала были мама и папа, и только потом Джозеф и Мириам. Это была совсем другая жизнь, да и я сама была совсем другая.

Мама часто рассказывала, как они с папой поженились. Говорила, что к тому моменту уже ждала меня. Ни ее, ни папу это не смущало, а вот мамины родители были очень недовольны – считали, что это неприлично. Оказалось, папа им вообще-то не нравился. Поэтому в один прекрасный день, когда маме было девятнадцать лет, они поехали далеко, в Де-Мойн, нашли там часовню и обвенчались. Пока Лили спала, мы сидели на крыльце нашего сборного домика и красили ногти на ногах в красный цвет. Мне тогда было восемь лет. Мама рассказывала про уютную маленькую церковь у обочины дороги, про то, как шла по проходу к алтарю в белоснежном платье – без бретелек, длиной до колена. Описывала мама и короткую фату. Сказала, что такой фасон называется «птичья клетка», поэтому всегда представляла, как на голове у мамы сидят канарейки. Говорила мама и про священника, который их поженит. Утверждала, что фамилия его была Любовь – преподобный отец Любовь. Но даже в восьмилетнем возрасте мне не верилось, что священника действительно так звали. Помню, как мама произнесла: «Вот так нас поженит любовь». Она сидела, глядела на нашу скучную невзрачную улицу и на мальчишек, пинавших мяч на лужайке. Потом еще раз повторила «лю-ю-юбовь» – протяжно, нараспев. Мы обе рассмеялись.

Мама сказала, что папа выглядел очень элегантно. Нарядился в рубашку и галстук, а пиджак взял взаймы у друга. Мне очень трудно было представить папу в пиджаке, рубашке и галстуке. В костюме я его ни разу не видела. К сожалению, фотографий со свадьбы у мамы с папой не было. Ни у него, ни у нее не было фотоаппарата. Зато у них имелся документ, в котором было указано, что они муж и жена, и для родителей он был ценнее любых снимков. Мама показывала мне эту бумагу. Сверху красовалась надпись: «Брачный сертификат», а снизу подпись: «Преподобный отец Любовь».

А потом, месяцев через шесть, родилась я. Про этот день мама тоже рассказывала. Говорила, что я, видно, рассудила, что спешить некуда, и рожала она поэтому очень долго. А когда папа в первый раз взял меня на руки в больничной палате, держал очень осторожно, будто хрупкую вазу. Бабушки с дедушками в больницу не приехали. Я их вообще ни разу не видела. Мамины родители с нами не общались, а папины уже умерли. Время от времени мы ходили к ним на могилу на кладбище на Пятой улице. Оставляли одуванчики рядом с двумя надгробными камнями, на которых было написано: «Эрнест Дэллоуэй» и «Ивлин Дэллоуэй».

Бабушка постоянно говорила маме, что она вылитая Одри Хепбёрн. Потому ее и называли Холли, в честь Холли Голайтли². Поэтому мама собирала длинные черные волосы в высокую прическу-улей и порхала по дому с сигаретным мундштуком в руке, хотя не курила. Все как в фильме. Еще каждый день наряжалась в старомодные платья в горошек и сыпала цитатами Одри Хепбёрн, делая вид, будто это ее собственные мысли. А я сидела на диване и смотрела на маму во все глаза.

² Холли Голайтли – главная героиня фильма «Завтрак у Тиффани» (1961), роль которой исполнила Одри Хепбёрн.

Ничего удивительного, что папа женился именно на ней. Не встречала женщин красивей мамы.

Много раз просила рассказать, как они познакомились. Маме эта история никогда не надоедала. Случилось это в городе, в салуне, где папа работал барменом. Какой-то нахал стал приставать к маме, и папе это не понравилось. Папа заметил, что этот тип продолжает с ней разговаривать и держит за руку, хотя мама ясно сказала, чтобы оставил ее в покое. Папа поспешил на выручку, как благородный рыцарь, – так рассказывала мама. А еще говорила, что выйти замуж за папу было лучшим решением в ее жизни, хотя теперь бабушка с дедушкой из ее жизни исчезли. Раз – и пропали, сказала мама, изобразив широкий жест, будто фокусница.

Папа работал дальнобойщиком, поэтому дома бывал редко. Ездил от одного побережья до другого, возил какие-то грузы, а иногда, чтобы побольше заработать, – и токсичные материалы. Мы очень скучали по папе, когда он был в рейсе, и особенно мама. Но когда папа возвращался, всегда баловал маму вниманием – целовал и дотрагивался до нее в таких местах, что она краснела. Чтобы встретить папу как следует, мама наряжалась, завивала волосы и красила губы яркой ягодной помадой. Куда бы папа ни ездил – в Вермонт, Джорджию или еще куда-нибудь, – отовсюду привозил подарки для меня и Лили. Совсем скромные – брелок, открытку, маленькую статую Свободы. Но мы им все равно очень радовались. Когда приезжал папа, будто наступали и Рождество, и летние каникулы одновременно. Для мамы у него тоже были подарки, но папа говорил, что покажет их, только когда мы с Лили ляжем спать. Иногда просыпалась ночью и слышала, как они смеются у себя в спальне.

Денег у нас было немного, но мама обожала ходить по магазинам. Конечно, те вещи, которые ей нравились, мы себе позволить не могли. Поэтому мама брала меня и Лили и отправлялась в магазин, просто чтобы примерять платья и крутиться перед зеркалом. Мы это делали, только когда папа был в отъезде. Мама просила не рассказывать папе, чтобы он не расстроился.

Она очень любила рассуждать про «когда-нибудь». Когда-нибудь у мамы будет свой салон красоты, и ей не придется больше стричь клиенток в ванной, смежной с нашей с Лили комнатой. Когда-нибудь мы переедем в большой дом, и будет он не сборным. Когда-нибудь мама отвезет нас в Чикаго и покажет удивительное место – Магнифисент-Майл. Мама рассказывала про эту улицу, будто речь шла о каком-то сказочном месте. Мне даже иногда и впрямь казалось, будто это сказка, но мама уверяла, что нет. Говорила про магазины «Гуччи» и «Прада» и про одежду, которую там купит, когда у нее будут деньги. Когда-нибудь. У мамы был целый список мест, которые обязательно надо посетить. Эйфелева башня, могила Одри Хепберн в каком-то маленьком швейцарском городке, Магнифисент-Майл.

В моем детстве всего у нас в хозяйстве было мало, всего не хватало. Даже в восемь лет понимала это, однако о большем не мечтала. Я была счастлива в нашем сборном домике в пригороде Огаллалы, и, хотя мама обожала помечтать про «когда-нибудь», мне ничего менять не хотелось. Мама часто повторяла: «Конечно, у нас ничего нет, зато мы есть друг у друга».

Но однажды и этой привилегии мы лишились.

Крис

У Хайди пунктик – обязательно все делать правильно. И особенно это касается сортировки мусора и сдачи на переработку. Все относим в специальные контейнеры – банки, бутылки, газеты, батареечки, фольгу. Вешалки она всегда возвращает в химчистку, а не выбрасывает. Стоит мне прийти из магазина с полиэтиленовым пакетом, устраивает выговор – надо было взять с собой сумку из дома. Даже во сне слышу ее суровый голос, произносящий: «Это можно сдать на переработку». Данную фразу Хайди повторяет всякий раз, когда я хочу выбросить один-единственный конверт или листок бумаги – о ужас! – в мусорное ведро. Молоко покупаем только в стеклянных бутылках, которые потом можно использовать. Стоят они при этом бешеные деньги.

В нашей квартире пауков не дают, а выносят на балкон или – в случае, если погода плохая, – в подвал дома, где они могут спокойно плодиться и размножаться среди картонных коробок и старых велосипедов. Раздавить паука ботинком или спустить в унитаз – бесчеловечно.

Кошки у нас появились после того, как Хайди нашла под помойным баком у задней стены дома двух котят. Их мать растерзала бродячая собака. В один прекрасный день Хайди явилась в квартиру с двумя грязными комочками. Весили бедняги не больше фунта-двух, под редкой шерсткой торчали косточки. Хайди объявила: «Они будут жить у нас». Меня, как всегда, не спросила. Так в нашем браке решаются любые вопросы. Хайди сказала, и все тут.

Я их зову Первая и Вторая. Да, оба котенка оказались кошками, поэтому я в нашем женском царстве единственный представитель мужского пола. Хайди дала новым питомцам имена Одетта и Сабина, но мне они показались глупыми. Называть беспородных кошек человеческими именами – перебор, сказал я. Особенно красивыми французскими. Первая кошка трехцветная, вторая – черная, с довольно длинной шерстью и сверкающими в темноте глазами. По примете, именно такие приносят неудачу. Эта зверюга меня не выносит.

Поэтому в субботу утром совершенно не удивился, когда вылез из кровати и нашел Хайди стоящей посреди гостиной и глядящей на меня своим фирменным взглядом потерявшегося котенка. Хайди только что закончила телефонный разговор и сразу принялась рассказывать про какую-то несчастную бездомную девушку со станции Фуллертон. Было почти десять часов утра, но за окном было так темно, что казалось, будто гораздо раньше – часов пять-шесть. После утомительной командировки в Сан-Франциско собирался посидеть, откинувшись на спинку кожаного кресла, и весь день смотреть бейсбол. Но Хайди уже выпила для храбрости кофе и приготовилась идти в атаку. Жена стояла посреди комнаты в халате и тапках и сжимала в руке мобильный телефон. Сразу понял: что-то она недоговаривает. В Чикаго сотни тысяч бездомных, но Хайди по какой-то причине заинтересовалась судьбой именно этой девушки. Нет, не подумайте – Хайди всегда обращает внимание на бомжей, на всех до единого, мимо пройти спокойно не может. Но привычки вскакивать из-за них спозаранку в выходной у Хайди раньше не наблюдалось.

– В городе полно приютов для бездомных, – произношу я.

На улице идет дождь. Опять. По всем каналам показывают репортеров, стоящих на улицах и шоссе по колено в воде. Говорят, дороги стали опасными и непроходимыми. Даже огромные скоростные магистрали Эйзенхауэра и Кеннеди закрыли. Вот-вот объявят чрезвычайное положение. В новостях показывают установленные на улицах желтые знаки «Разворачивайся, утонешь». Звучит оптимистично. Насквозь промокшая репортерша в золотистом пончо стоит где-то в Лупе. Бедняжку хлещут струи дождя – можно подумать, стук капель по крышам и окнам не демонстрирует достаточно убедительно, что льет сегодня, как из ведра. Репортерша предупреждает, что быстрый поток воды высотой даже в несколько дюймов может унести машину. «От автомобильных поездок лучше воздержаться, – вещает девушка с таким встрево-

женным видом, будто ее и правда волнует наша безопасность. – Если есть возможность, постарайтесь их отложить».

– В приют она не пойдет, – возражает Хайди с такой уверенностью, что сразу понимаю: жена не просто видела эту девушку на улице, а говорила с ней.

Из того, что Хайди рассказала по своей воле и что мне удалось из нее вытянуть, картина складывается следующая: жена заметила возле станции Фуллертон бездомную девушку-подростка, собирающую милостыню. На руках у нее был младенец. Когда вошел в гостиную, собираясь посмотреть телевизор, Хайди только что закончила разговор по мобильному. Когда спросил, с кем она говорила, жена поспешно ответила:

– Да так, ни с кем.

Но я сразу понял, что это был кто-то очень важный. Однако жена не хочет, чтобы я о нем знал. Вот что бывает с мужьями, которые постоянно мотаются по командировкам, думаю я. Жены начинают им изменять. Встают с кровати в несусветную рань, чтобы вести тайные беседы с любовниками, пока мужья отсыпятся после работы. Вид у Хайди виноватый, взгляд такой, будто ее застукали на месте преступления. Совсем не похожа на мою добропорядочную жену. Спрашиваю:

– С мужчиной говорила?

Вспоминаю, как вчера вечером в кровати Хайди от меня отстранилась. Неужели причина в любовнике? Сразу принялся гадать – бывал ли этот тип у нас дома? Может, ушел незадолго до моего приезда? Вернулся я в начале двенадцатого. Зои дома не было, а Хайди уже лежала в кровати. Когда Зои была маленькая, они с Хайди своими руками делали плакаты с надписью «Добро пожаловать». Украшали наклейками, рисунками, фотографиями и другими симпатичными, любимыми девочками любого возраста мелочами. Но с тех пор прошло лет пять-шесть, и теперь мой приезд никакой реакции не вызывает. Только кошки ждали у двери и встретили сердитым мяуканьем, даже не прося, а требуя еду. Ни дать ни взять ультиматум: «Не накормишь – пеняй на себя». Кошачьи миски из нержавеющей стали, которые Хайди никогда не забывает наполнить, вчера вечером были пусты.

– Хайди, – повторяю я, на этот раз нетерпеливее. – Ты говорила с мужчиной?

– Нет-нет, – быстро, без запинки отвечает жена с нервным смешком. Не могу понять – то ли врет, то ли по сравнению с моим предположением о супружеской измене ее секрет кажется безобидным пустяком.

– Тогда с кем? – не сдаюсь я. – С кем ты разговаривала?

Повисла пауза. Жена решала, признаваться или нет. Я уже изрядно рассердился, когда она нехотя сообщила, что говорила с девушкой. С той, у которой ребенок.

– С бездомной? – уточняю я. Уф, прямо гора с плеч свалилась.

– Она только что звонила, – поясняет Хайди. Щеки покраснелись – то ли от кофеина, то ли от смущения.

У меня отвисает челюсть.

– Ты ей дала свой номер?

Вид у Хайди становится смущенный и виноватый. Отвечает жена не сразу. Потом робко произносит:

– Вчера, когда повела ее в ресторан и накормила ужином, оставила визитку.

Ну, это уже ни в какие ворота. С тревогой гляжу на стоящую передо мной женщину – растрепанные медные волосы, дикий из-за избытка кофе взгляд – и гадаю, куда подевалась моя жена. Да, Хайди неисправимая идеалистка и оптимистка, она всем старается помочь, но в этот раз жена зашла слишком далеко.

– Накормила ужином?.. – начал было я, но тут же встряхиваю головой и перехожу к более важному вопросу: – Зачем она звонила?

Смотрю во взволнованные глаза Хайди и отчаянно желаю, чтобы на моем месте оказался кто-то другой. Хайди направляется к кофемашине, будто и так уже не выпила слишком много кофеина. Наполняет сувенирную кружку, которую Зои подарила ей на День матери несколько лет назад. Кружка черная, керамическая и украшена фотографиями Хайди, которые после неоднократной «стирки» в посудомоечной машине теперь различить трудно. Хайди добавляет в кофе миндальные сливки. Отлично, еще только сахара не хватает.

– Уиллоу говорит, Руби всю ночь плакала. Бедняжка глаз не сомкнула. Уиллоу очень волнуется. Ну и устала, конечно. У девочки наверняка колики. Помнишь, с Зои было так же? Всю ночь не спала. Я за нее волнуюсь, Крис. Вернее, за них обеих. Из-за того, что ребенок постоянно кричит, а помочь некому, у матерей часто начинается послеродовая депрессия. Я уже не говорю о синдроме тряски младенца³.

Не найдясь с ответом, тупо переспрашиваю:

– Уиллоу? И Руби? Так их зовут?

Хайди отвечает, что да.

– Что за имя – Уиллоу⁴? Так деревья называют, а не людей. А Руби...

Но договорить не решаюсь. Хайди глядит на меня будто на воплощение зла. Воплощение зла, стоящее посреди гостиной в одних боксерах. Прохожу мимо Хайди и направляюсь на кухню, чтобы самому выпить кофе. Может, тогда эта несусветная история уляжется в голове. Вот бы оказалось, что я просто не так понял жену. Бывает, после сна туго соображаешь. Стою, уставившись на гранитную столешницу, и не спеша потягиваю напиток. Жду, когда он подстегнет мою мыслительную деятельность.

Но когда выхожу из кухни, Хайди уже стоит у двери, натягивая массивную оранжевую куртку прямо поверх халата.

– Ты куда? – ошарашенно спрашиваю я.

Волосы у жены по-прежнему торчат во все стороны. Хайди скидывает тапки и засовывает ноги в стоящие у двери резиновые сапоги.

– Я пообещала, что приду. Мы договорились встретиться.

– Встретиться? Где?

– Возле станции Фуллертон.

– Зачем?

– Нужно посмотреть на девочку.

– Хайди, – произношу своим самым благоразумным тоном, – сними хотя бы пижаму.

Жена опускает взгляд на сиреневые полы махрового халата, из-под которых выглядывают яркие пижамные штаны в цветочек. Хайди кивает, несется в спальню и переодевается в джинсы. Жена так спешит, что даже халат снимать не стала.

Это же просто нелепо, думаю я. В мои обязанности входит подготовка презентаций и графиков, призванных убеждать клиентов, поэтому сразу представляю, как наглядно продемонстрировал бы Хайди, что она ведет себя просто глупо. На одной оси перечислил бы все причины, по которым ее поведение вызывает оторопь: странную тягу спасать всех подряд бездомных, раздачу визиток кому ни попадя, готовность выскочить из дома под проливной дождь в сиреновом халате и жуткой оранжевой куртке. На другой оси разметил бы уровни неадекватности поступков. Вне всякого сомнения, дикий наряд намного обогнал бы ситуацию с визиткой.

³ Синдром тряски младенца – комплекс симптомов, наблюдающийся из-за того, что родители слишком сильно укачивают ребенка, встряхивая его, что может привести к разрыву мелких кровеносных сосудов, проходящих через оболочки мозга.

⁴ В переводе с английского имя Уиллоу (Willow) значит «ива».

Однако понимаю, что Хайди только рассердится, и никакого результата все равно не добьюсь. С кожаного кресла уголком глаза наблюдаю, как Хайди бежит в гардеробную, хватая сумку и зонтик и выскакивает за дверь, крикнув:

– Скоро вернусь!

Вяло отвечаю:

– Пока.

Кошки, как всегда, прыгают на подоконник и ждут, пока Хайди выйдет на улицу, чтобы проводить ее взглядами. Готовлю себе омлет. Упаковку из-под яиц отнести в специальный контейнер, естественно, забываю. Подогревая в микроволновке бекон, чувствую себя предателем – мы ведь вроде как на вегетарианской диете. Завтракаю перед телевизором. Сразу после отборочных матчей начнутся матчи НБА. Во время рекламы переключаюсь на канал CNBC – при моей работе за новостями с Уолл-стрит следить нужно постоянно. В голове все время крутится одна мысль. Деньги, деньги, деньги.

Вспыхивает молния, и раздается раскат грома, от которого содрогается весь дом. Как там Хайди? В такую погоду и на улице. Остается надеяться, что жена и впрямь скоро вернется. Снова вспышка, снова гром. Молюсь, чтобы до конца игры не вырубил электричество.

Примерно через час Зои доставляют домой Тейлор и ее мама. Когда дочка заходит в квартиру, я все еще в одних боксерах. Из дверного проема на меня разинув рты смотрят Дженнифер и Тейлор, обе промокшие до нитки. Да, зрелище то еще – сижу в трусах, темные волосы на груди предстали перед гостями во всей красе. Весь растрепанный, да и помыться не помешало бы.

– Зои! – восклицаю я, поспешно вскакивая и едва не проливая кофе.

– Привет, пап, – выдавливая готовая сквозь землю провалиться от стыда Зои. Еще бы – полуголый отец в одной комнате с лучшей подругой. Заворачиваюсь в плед из искусственного меха и пытаюсь свести все в шутку.

– Не думал, что ты так рано вернешься. Застала папу врасплох, – говорю я. Но в глазах Зои это, конечно, слишком слабое оправдание.

Уверен, дочке еще неоднократно придется за меня краснеть. Зои поспешно хватая Тейлор за руку и тянет по коридору в свою комнату. Слышу, как закрывается дверь, и представляю, как Зои доверительным тоном говорит подруге: «Не обращай внимания на папу, он у меня такой лузер!»

– Крис, Хайди дома? – спрашивает Дженнифер, глядя куда угодно, только не в мою сторону.

– Нет, – отвечаю я.

Интересно, известно ли Дженнифер что-нибудь про эту девушку? Может быть. Лучшая подруга знает про мою жену почти все. Поплотнее заворачиваясь в плед, гадаю, что Хайди рассказывает обо мне. На сто процентов уверен, что, стоит повести себя как полный козел, Дженнифер узнает об этом первой. Так что подруга жены в курсе и про мою сексапильную коллегу, и про то, что я *опять* уехал в командировку.

– Не знаешь, когда вернется?

– Нет.

Дженнифер принимается теревить ремешок сумки. Между прочим, женщина она вполне интересная и могла бы выглядеть красиво, если бы не расхаживала повсюду в больничной форме. Дженнифер работает в больнице. Уверен, у нее в шкафу ничего нет, кроме форменных штанов и рубашек всех цветов радуги. Из обуви Дженнифер носит исключительно резиновые больничные сандалии. Спору нет, вещи, судя по виду, удобные, но ведь полно другой, совершенно обычной удобной одежды. Почему бы хоть иногда не надеть джинсы или, скажем, спортивный костюм?

– А в чем дело? – спрашиваю у нее. – Может, я могу помочь?

Вопрос вежливый, но глупый. Дженнифер типичная озлобленная разведенка и не испытывает ко мне ни малейшей симпатии по одной простой причине – я мужчина. И тот факт, что посреди дня расселся перед телевизором в одних трусах, ее мнение только подтверждает.

Дженнифер качает головой.

– Да нет, это наши женские дела, – отвечает она и прибавляет: – Но за предложение спасибо.

Потом Дженнифер заходит за Тейлор, и, когда они уходят, Зои обращает на меня взгляд, исполненный самого праведного гнева, на какой способен двенадцатилетний ребенок.

– Папа, ну ты вообще! Не стыдно по дому в трусах ходить?

Дочка убегает к себе в комнату и хлопает дверью.

Отлично, думаю я. Лучше не придумашь. Хайди носится по улицам, разыскивая каких-то бродяжек, а странным в этом доме считают меня.

Хайди

Не знаю, пьет Уиллоу кофе или нет, и все равно покупаю для нее мокаччино, в который прошу положить побольше взбитых сливок. Идеальный способ взбодриться. Еще беру булочку с корицей и – на всякий случай – ягодный кекс. Вдруг Уиллоу не любит корицу? Утром в субботу на улицах безлюдно, однако несусь вперед, выставив локти. Готова отпихнуть с дороги всякого, кто встанет на моем пути.

Идет дождь, апрельское небо затянуто темными тяжелыми тучами. На дорогах огромные лужи, по которым проносятся машины. Разлетаются фонтаны брызг. Фары у автомобилей включены, и, хотя уже начало одиннадцатого, светофоры по-прежнему работают в ночном режиме – на дневной система не переключилась. Еще бы – темно так, что не вериться в наступление утра. Держу над головой зонтик, и все равно промокла из-за брызг. Вспоминаю разные выражения про сильный дождь: «Льет как из ведра», «Дождь стеной», «Проливной дождь».

Уиллоу ждет точно на том месте, на котором обещала. Прохаживается по Фуллертон-авеню, укачивая визжащую во весь голос Руби. Обе промокли насквозь. Компания фанатичных бегунов в водоотталкивающих спортивных костюмах огибает Уиллоу по широкой дуге. Даже сходят на проезжую часть, рискуя попасть под машину, лишь бы не помогать девочке-подростку, которая за ночь будто состарилась лет на тридцать. Мешки под глазами и морщины, будто у женщины средних лет. Глаза покраснели, веки опухли. Уиллоу спотыкается о край трещины в асфальте, резко вскидывает Руби на плечо и не просто хлопает, а почти бьет ее по спинке.

– Успокойся... тише... – бормочет Уиллоу, но в голосе ни мягкости, ни заботы. Больше всего ей сейчас хочется заорать: «Заткнись! Заткнись! Заткнись!»

Движения резкие, сердитые. Помню, как сама из всех сил старалась сдерживаться, когда Зои своими криками и плачем не давала спать ночи напролет. Терпения решительно не хватало. О послеродовой депрессии знаю не много – мне повезло, у меня ее не было. Однако пресса и телевидение полны шокирующих историй о женщинах, у которых в голове сами собой возникают непрощенные мысли о том, чтобы причинить вред собственным детям. Помимо воли начинают представлять, как ударяют их ножом, топят, сбрасывают с лестницы или въезжают с ними на машине прямо в озеро – причем бедных женщин самих эти картины приводят в ужас. По работе встречала женщин, которые так боялись невольно навредить ребенку, что отдавали своих детей другим людям, чтобы уберечь их. Проникаюсь к Уиллоу уважением – она ведь могла просто оставить младенца на крыльце церкви или приюта. И сейчас молодая мать сдерживается из последних сил, чтобы не накричать на дочку. Между тем бегуны озадаченно хмурятся. Думают, не рановато ли этой девочке нянчиться с младенцем. Однако упорства и самоотверженности у нее побольше, чем у многих взрослых женщин. Мне было легче – я ведь могла позвонить маме и пожаловаться или на некоторое время поручить дочку заботам Криса. Не знаю, как бы справилась без помощи или поддержки. Первый год материнства – самый трудный. По крайней мере, так думаешь, пока твоему чаду не стукнет двенадцать.

– Я тебе кофе принесла, – говорю, подходя сзади.

Уиллоу вздрагивает. Можно подумать, стаканчик кофе может решить проблему! Уиллоу не место на улице. Девочка голодает, она совершенно измучена. Вот-вот подогнуты ноги. Сразу видно, что всю ночь бродила по улице, укачивая Руби. Вид у Уиллоу сонный, однако глаза сердитые, будто только ищет, на кого бы кинуться. Уиллоу резко выхватывает у меня из руки стакан. Замечаю, что координация у нее нарушена. Девушка плюхается прямо на мокрый асфальт и в одну секунду проглатывает и булочку с корицей, и ягодный кекс.

– Всю ночь редела, – яростно жуя, произносит Уиллоу. Из уголков рта вываливаются маленькие кусочки, но она ловит их на лету. Потом устраивается в дверном проеме, под синим

навесом магазинчика сувениров. В витрине висят китайские колокольчики поющего ветра, под ними выставлены керамические фигурки птиц. Магазин открыт. Через окно за нами наблюдает хозяйка.

– Когда она в последний раз ела? – спрашиваю я, но Уиллоу лишь с затравленным видом качает головой.

– Не помню. Бутылочку не берет. Только кричит.

– Не берет бутылочку? – переспрашиваю я.

Уиллоу качает головой и принимается слизывать взбитые сливки языком, точно собака, лакающая из миски воду.

– Уиллоу, – окликаю я.

Но она на меня даже не смотрит. От Уиллоу пахнет чем-то затхлым – мокрой грязной одеждой, давно не мытым телом. Но запах, исходящий от подгузника Руби, еще хуже. Окидываю взглядом улицу и думаю, куда Уиллоу ходит в туалет. Работники ресторанов и баров без разговоров выставят ее за дверь, точно бродячую кошку. На некоторых окнах даже вывешены объявления: «У нас не общественный туалет». Может, общественный туалет есть в парке неподалеку? Или хотя бы биотуалет?

– Уиллоу... – снова начинаю я, опускаясь на корточки рядом с ней.

Девушка внимательно и настороженно глядит на меня. Отодвигаюсь в сторону, давая ей три фута личного пространства. Однако Уиллоу вцепилась в стаканчик с кофе и жалкие остатки выпечки так, будто боится, что отниму.

– Уиллоу, – с трудом произношу я. – Дай подержать Руби.

До чего же хочется взять на руки ребенка! До сих пор помню, как пахнут дети – молоком и присыпкой. Запах кислый и неприятный, но при одном воспоминании хочется ощутить его снова. Ожидаю резкого отказа, поэтому оказываюсь застигнутой врасплох той легкостью, с которой Уиллоу передает мне рыдающую девочку. Конечно, довериться мне она решается не сразу. Сначала окидывает внимательным взглядом. Должно быть, гадает, кто эта женщина и что ей нужно. Однако потом, наверное, вспоминает какую-нибудь цитату – как в случае с «Аней из Зеленых мезонинов». Что-нибудь про доверие. Может быть, из «Питера Пэна», про пылцу фей, исполняющую желания. Уиллоу передает ребенка охотно, радуясь возможности отдохнуть. Все-таки всю ночь проносила на руках около тринадцати фунтов живого веса. Уиллоу сразу расслабляется и приваливается к стеклянной двери.

У меня на руках Руби сразу затихает. Конечно, мое умение обращаться с детьми тут ни при чем. Скорее дело в смене положения и в том, что Руби заинтересовалась новым лицом – приветливым, улыбающимся. Отбрасываю зонтик и встаю, частично защищенная от дождя синим навесом. Осторожно покачиваю Руби и тихонько напеваю. Вспоминаю детскую комнату Зои, эти сиреневые простынки «Дамаск» и оттоманку, на которой часами сидела, держа на руках дочку и укачивая ее, хотя она давно уже заснула.

Должно быть, тяжелый подгузник Руби весит фунтов десять, не меньше. Он уже начал протекать и запачкал ее комбинезончик, а теперь и мою куртку. Когда-то комбинезончик был белым, но теперь из-за различных выделений детского организма от первоначального оттенка не осталось и следа. Пастельными нитками вышито слово «Сестренка». На ощупь Руби горячая, от лобика так и пышет жаром, щечки пылают. У ребенка высокая температура.

– У Руби есть сестра? – спрашиваю я, пытаюсь тыльной стороной ладони определить температуру. Тридцать восемь? Тридцать девять? Не хочу пугать Уиллоу, поэтому стараюсь отвлечь ее обычными вопросами. Главное, чтобы девушка не обратила внимание, как я дотрагиваюсь губами до лобика Руби. Кажется, температура все сорок.

– А?... – растерянно переспрашивает Уиллоу.

Указываю на вышитую надпись: две сиреневых «С», нежно-розовая «Е», голубая «Т» и так далее.

Мимо, разбрызгивая из-под колес воду, проносится велосипедист. Уиллоу глядит ему вслед. Красная спортивная кофта, черные шорты, серый шлем, рюкзак, накачанные икры. Мне такая атлетическая форма и не снилась.

– В секонд-хенде купила, – не глядя на меня, поясняет Уиллоу.

– А-а, ну да, конечно, – киваю я. Глупый вопрос – в таком возрасте она просто не успела бы родить еще одного ребенка.

Провожу пальцем по щечке Руби. Кожа мягкая, нежная. Девочка смотрит на меня ясным, невинным взглядом и хватается пухлым кулачком за мой указательный палец. Младенчество – единственное время в жизни, когда полнота считается милой и симпатичной. Руби засовывает в рот пальчик и принимается деловито сосать.

– Она, наверное, проголодалась, – с надеждой предполагаю я, но Уиллоу качает головой.

– Нет. Я же сказала – бутылочку не берет.

– Дай я попробую, – говорю я и прибавляю: – Ты ведь устала.

Не хочу представить дело так, будто считаю Уиллоу плохой, неумелой матерью. Не желаю ее обидеть. Но угадать, что нужно младенцу, подчас бывает сложнее, чем разобраться в международной политике и алгебре или поладить с девочкой-подростком. То ребенок хочет есть, то не хочет. Принимается плакать безо всякой видимой причины. В один день за обе щеки наворачивает пюре из груши, а на следующий даже смотреть на него не желает.

– Если ты против – не буду, – прибавляю я.

– Ладно, – с равнодушным видом пожимает плечами Уиллоу.

Протягивает мне бутылочку молочной смеси, в которой осталось унции три-четыре, не больше. Все стенки облеплены, по дну болтается один осадок. Что бы ни подумала Уиллоу, никак не могу кормить этим ребенка. Видя, что я медлю, девочка принимается плакать.

– Уиллоу, – произношу погромче, стараясь заглушить детский плач.

Она отпивает глоток горячего кофе и поводит плечами.

– Что?

– Давай я помою бутылочку. Сделаем новую смесь.

Молочные смеси до безобразия дорогие. Я помню. Каждый раз вздрагивала, когда на дне бутылочки что-то оставалось. Когда родилась Зои, собиралась кормить ее только грудью и никак иначе. Первые семь месяцев строго следовала этому принципу. Планировала включать в рацион смеси, только когда Зои исполнится годик. Но потом ситуация поменялась. Сначала и я, и врач считали, что причина моих болей – последствия родов. Думали, что это нормально, однако ошиблись. К тому времени я снова была беременна. Ждала Джулиэт, хотя, конечно, тогда нельзя было определить, мальчик это или девочка. Прошло меньше полутора месяцев после зачатия, когда у меня начались кровотечения. К тому времени сердце у нее уже качало кровь, черты лица принимали определенную форму, а ножки и ручки вот-вот должны были образоваться. Выкидыша у меня не было. Это было бы слишком просто. Решение оборвать жизнь Джулиэт пришлось принимать мне.

Уиллоу посмотрела на меня странным взглядом, в котором читались настороженность и сомнение. Однако при этом в нем сквозили усталость и равнодушие. Мимо под ручку прошли одетые в спортивные костюмы студентки. Одни держали зонтики, у других на головах были капюшоны. Хихикая, девушки вспоминали вчерашнюю вечеринку. Судя по обрывкам разговора, погуляли изрядно. Гляжу на свой фиолетовый халат.

– Как хотите, – произносит Уиллоу, провожая взглядом скрывающихся за углом студентов. До нас до сих пор доносится их смех.

Протягиваю ребенка Уиллоу и, подхватив зонтик, спешу в ближайшую аптеку. Покупаю бутылку воды и ацетаминофен в каплях. Надо сбить температуру. Когда возвращаюсь под навес, выливаю остатки смеси на асфальт и смотрю, как они стекают в ближайший водосток. Потом мою бутылочку и развожу новую смесь. Уиллоу протягивает драгоценный порошок,

потом снова передает мне Руби. Надеюсь, что плачущую малышку удастся успокоить, но и сейчас она отказывается брать бутылочку, будто я подсовываю ей яд.

Руби начинает кричать.

– Успокойся, – уговариваю я, укачивая ребенка. А ведь Уиллоу точно так же провела всю ночь, и без всякого толка. Даже я уже начинаю ощущать усталость и раздражение. До чего же ей пришлось тяжело – без помощи и поддержки, одна на холоде, голодная. А может, и напуганная. Вспыхивает молния. Принимаюсь считать секунды – раз, два, три. Раздается громкий, яростный раскат грома. Уиллоу смотрит вверх. Зрачки округляются. Значит, она и впрямь боится грозы. Совсем как маленькая.

– Не бойся, – произношу я и сразу вспоминаю, как по ночам успокаивала в детской прижавшуюся ко мне Зою. – Это просто гром. Вреда он нам не причинит.

Уиллоу смотрит на меня взглядом, значение которого понять не могу. Я уже успела вымокнуть до нитки. У женщины в магазине хватило наглости резко постучать в стеклянную дверь. Читаю по губам. Велит, чтобы мы уходили.

– Что теперь делать? – спрашиваю вслух.

Уиллоу тихо произносит, скорее говоря сама с собой, чем обращаясь ко мне.

– «Разве не приятно подумать, – произносит она, – что завтра будет новый день, в который не сделано еще никаких ошибок?»⁵

– Опять «Аня из Зеленых мезонинов»? – уточняю я.

– Да, – кивает Уиллоу.

– Твоя любимая книга? – спрашиваю я.

Снова кивок.

Продолжаем сидеть под навесом. Не могу же я начать подгонять Уиллоу, чтобы она вышла с ребенком обратно под дождь.

– Вчера вечером по пути домой купила эту книгу, – признаюсь я. – Если честно, не читала, но всегда хотела прочесть. Вместе с дочкой, Зою. Но она как-то очень быстро выросла...

Не успела оглянуться, а маленькая девочка, которой я читала книжки-раскладушки, превратилась в большую, для которой читать с мамой – стыд и позор. Что скажут школьные друзья, если узнают? Зою полагает, что в таком случае репутация ее будет безнадежно загублена.

Тут в голову сама собой закрадывается мысль, которая часто посещает меня в такие моменты. Если бы можно было начать сначала и вернуться в те времена, когда Зою была маленькой, что бы я сделала по-другому? Кто знает – вдруг отношения у нас сейчас были бы лучше? А может, с Джулиэт поладить было бы легче?..

Но, конечно, от всех этих вопросов никакой пользы. Детей у нас с Крисом все равно больше не будет.

– Ты эту книгу с мамой читала? – спрашиваю я, гадая, ответит ли Уиллоу на такой личный вопрос.

– Нет, – после небольшой запинки отвечает она. – С Мэттью.

– С Мэттью? – повторяю я. Вдруг Уиллоу больше ничего не расскажет?

Но, к моему удивлению, она продолжает, откинув потемневшую от дождя челку с глаз:

– Это мой...

Уиллоу смотрит на ищущую червячков малиновку. Первый признак, что весна наступила. На деревьях вдоль улицы появились почки, сквозь мокрую землю прорастают крокусы.

Уиллоу выдерживает довольно долгую паузу.

– ...брат, – наконец договаривает она.

Киваю, довольная, что сумела что-то о ней узнать. Первый кусочек головоломки. У нее есть брат. Брат по имени Мэттью, который читал ей «Аню из Зеленых мезонинов».

⁵ Цитата из книги «Аня из Зеленых мезонинов» (перевод М. Батищевой).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.